

1000

ЗНАМЕНИТЫХ

ХАРЬКОВЧАН

100 знаменитых

Владислав Карнацевич

100 знаменитых харьковчан

«ОМІКО»

2005

Карнацевич В. Л.

100 знаменитых харьковчан / В. Л. Карнацевич — «ОМІКО»,
2005 — (100 знаменитых)

Дмитрий Багaley и Александр Ахиезер, Николай Барабашов и Василий Каразин, Клавдия Шульженко и Ирина Бугримова, Людмила Гурченко и Любовь Малая, Владимир Крайнев и Антон Макаренко... Что объединяет этих людей - столь разных по роду деятельности, живущих в разные годы и в разных городах? Один факт - они так или иначе связаны с Харьковом. Выстраивать героев этой книги по принципу «кто знаменитее» - просто абсурдно. Главное - они любили и любят свой город и прославили его своими делами. Надеемся, что эти сто биографий помогут читателю почувствовать ритм жизни этого города, узнать больше о его истории, просто понять его. Тем более что в книгу вошли и очерки о харьковчанах, имена которых сейчас на слуху у всех горожан, - об Арсене Авакове, Владимире Шумилкине, Александре Фельдмане. Эти люди создают сегодняшнюю историю Харькова. Как знать, возможно, прочитав эту книгу, кто-то испытает чувство гордости за своих знаменитых земляков и посмотрит на Харьков другими глазами.

© Карнацевич В. Л., 2005

© ОМІКО, 2005

Содержание

От автора	5
Аваков Арсен Борисович	7
Алчевский Алексей Кириллович, Алчевская Христина Даниловна	10
Артем	15
Ахиезер Александр Ильич	19
Багалец Дмитрий Иванович	27
Барабашов Николай Павлович	31
Бахчанян Вагрич Акопович	36
Бекетов Алексей Николаевич	40
Бекетов Николай Николаевич	44
Бернес Марк Наумович	48
Бессонов Владимир Васильевич	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Владислав Карнацевич

100 знаменитых харьковчан

От автора

«Харьков, он ленивый и хаотичный одновременно... ни на грамм не провинциальный по духу, в отличие от некоторых столиц».

С. Волохов

Провинциальность начинается тогда, когда пытаются во что бы то ни стало от нее отречься. А Харьков – город без претензий. С достижениями, но без претензий. Здесь нет всеобщего желания кому-то и что-то доказать, сделать город каким-нибудь символом. «Первая столица»? Это такой местный видеоканал...

«Наше главное богатство – это люди». Как часто приходится слышать эти слова! Для молодого, всего лишь 350-летнего Харькова это более чем верно. Не море, не полезные ископаемые и даже – уж извините – не история с обязательными в таких случаях достопримечательностями, а именно люди, которые здесь жили, работали и учились. Похоже, что знаменитые харьковчане так и не стали «историческими деятелями» в том монументальном смысле, который привыкли придавать этим словам. Эти люди как будто и не умирали, а все так же выходят из своего дома – того, что стоит в-о-о-о-н там, напротив, садятся в трамвай, идут по коридору института, предъявляют пропуск на проходной завода, покупают продукты на рынке... Не поэтому ли многие жители города не знают, где похоронены те, в чью честь названы улицы и станции метро? Может, именно поэтому в Харькове так мало памятников выдающимся харьковчанам? И некий культ города и его знаменитостей никак не удается создать – здесь нет *выдающихся*, здесь все свои, обычные люди. Академик и рабочий, артист и чиновник, бизнесмен и шофер – все живут на одних улицах, гуляют с детьми в одних дворах, и пыль у них на ботинках одна и та же – харьковская. Странно было бы увидеть памятник соседу!

Но эти «соседи» как раз и выводили Харьков – постепенно и как-то, что ли, незаметно для всей страны – на уровень «самыхсамых» городов. Так получилось, что здесь появилось все, что характеризует этот самый-самый уровень. Нужен хороший врач – езжайте в Харьков; хотите учиться (чему угодно) – конечно, в Харьков; ищите техническое решение – посоветуйтесь там же, найдется специалист по любому вопросу; защищаете диссертацию – отличные возможности. Опера, цирк, драма? Метро, самолет, поезд? Дискотека, футбол, радио? Да пожалуйста! Из небольшого малороссийского городка, создание университета в котором выглядело чуть ли не историческим курьезом, Харьков превратился в крупнейший центр всей «необъятной» Родины, с многочисленными научными и медицинскими учреждениями, заводами, вузами, театрами, злачными местами. Все больше появлялось и столичных знаменитостей, которые здесь впервые вышли на сцену, на стадион, стали к станку, получили образование. Далеко не всегда они афишировали этот факт своей биографии. И не потому, что стыдились. Просто Харьков – город без претензий...

Мы попытались собрать этих людей на страницах данной книги. Некоторые из них лишь родились в Харькове, другие провели здесь несколько плодотворных лет и успели стать гордостью именно этого города. Многие – учились в местных вузах, иные – провели в Харькове всю свою жизнь и искренне считали город своим. Мы не ставили перед собой задачи выстроить некую иерархию – «ТОП 100» харьковчан, расставленных по степени «знаменитости»: о ком-то до сих пор нет нужного количества информации, о других, наоборот: говорено – переговорено, писано – переписано. Кроме того, речь пойдет именно о *знаменитых* жителях города.

Поэтому не стоит удивляться тому, что кое-где выбор сделан в пользу популярного артиста или политика, в то время как тот или иной врач, ученый или директор завода, хорошо известный и почитаемый в Харькове, не попал в этот список. Каждого героя книги мы старались показать живым человеком и потому позволили себе коснуться и семейного его положения, и некоторых черт характера (не только положительных), и конфликтов с другими людьми, и (очень аккуратно) слухов или анекдотов, ходящих или ходивших о нем.

Надеемся, что эти сто биографий помогут читателю почувствовать ритм жизни Харькова, узнать больше о его истории, понять этот город. А кого-то, может, все-таки охватит гордость за своих знаменитых земляков, он посмотрит на Харьков другими глазами и поймет, что этот город без претензий – большой город. Не по площади, хотя и это тоже, не по населению, хотя и здесь все в порядке... Просто большой.

Аваков Арсен Борисович

(род. в 1964 г.)

*Крупный банкир и предприниматель.
С февраля 2005 года Харьковский губернатор.*

Очерк об Арсене Авакове в нашей книге можно считать своеобразным авансом. Ведь мы говорим о знаменитых харьковчанах, а Арсен Борисович долгое время не стремился быть на виду. Далеко не всем была известна фамилия одного из наиболее авторитетных и влиятельных бизнесменов города. Он «вышел из сумрака» лишь на президентских выборах 2004 года, когда открыто поддержал политическую оппозицию. В феврале того же 2005 года новая власть неожиданно для многих назначила его губернатором Харьковской области. Скажем прямо: для того чтобы фамилия Аваков более естественно смотрелась в одном списке с фамилиями многих других героев этой книги, молодому губернатору еще надо сделать очень много. Надеемся, что так и будет. Пока же Арсен Борисович, открывая список знаменитых харьковчан по алфавиту, замыкает его хронологически. Это будущее нашего города.

Родился Арсен Аваков в Баку 2 января 1964 года. По национальности армянин, переехав в Харьков, он стал членом довольно многочисленной местной армянской диаспоры. Поступил в Харьковский политехнический институт на одну из престижных специальностей – автоматизированные системы управления. С дипломом инженера-системотехника окончил институт в 1988 году и после этого два года работал по специальности в научно-исследовательском институте охраны вод. Но не это оказалось призванием Арсена Борисовича.

26-летний инженер быстро сориентировался в новой экономической обстановке. Уже в 1990 году Аваков основал одно из первых в Украине акционерных обществ – АО «Инвестор», в котором занял пост президента. Через два года был создан банк «Базис», который, несмотря на трудности и перипетии, существует до нынешнего времени и хорошо известен харьковчанам. История «Базиса» начиналась со скупки ваучеров и операций с долгами и век-

селями предприятий. Кстати, Аваков в свое время в соавторстве с верным партнером по бизнесу Геннадием Гаевым даже написал книгу о вексельном обращении. Вообще же Арсен Борисович открыл в себе коммерческие способности, необходимые для эффективного ведения дел, в самых разных отраслях: банковской, промышленной, информационной, строительной. Журналисты отмечают его талант лоббиста, приводят длинный перечень разнообразных «схем», благодаря которым удачливый предприниматель развивал свое дело. Сам губернатор утверждает, что зарабатывал деньги «не благодаря, а вопреки многим существующим законам...»

Как уже было сказано, Арсен Аваков получил возможность реализовать свои предпринимательские устремления сразу в нескольких направлениях. Коммерческий банк «Базис» оказался постоянным финансовым партнером крупнейшего предприятия города, работающего на экспорт, – ОАО «Турбоатом». В 2000 году коммерческие структуры Авакова приобрели важнейшее энергетическое предприятие Харькова – ТЭЦ-3. Ему же, по сути, принадлежала фабрика по расфасовке чая «Ахмад-ти» (по признанию головного офиса этой фирмы – лучшая в Восточной Европе), хлебозавод, компания по строительству элитного жилья, предприятия газодобывающей отрасли и многие другие объекты в регионе. В 2004 году Аваков получил звание Заслуженного экономиста Украины.

В определенный момент Арсен Борисович вышел и на медиа-рынок. Он стал совладельцем самого, пожалуй, рейтингового из региональных «7 канала» (вторым хозяином канала является Геннадий Кернес). Таким образом, Аваков уже мог серьезно влиять на умонастроения жителей Харькова, однако, в отличие от того же Кернеса, он не делал себе большого пиара.

Существует справедливое мнение о том, что крупный бизнес не может находиться вне политики. Не остался в стороне от нее и Арсен Аваков. Так, на выборах мэра в 2002 году он активно поддержал кандидатуру Владимира Шумилкина и после этого продолжал выражать лояльность городскому голове с помощью своего канала. Их и до сих пор связывают дружеские отношения. В том же 2002-м Арсен Борисович был избран членом исполнительного комитета Харьковского городского совета. В хороших отношениях один из главных местных «олигархов» был и с тогдашним губернатором Евгением Петровичем Кушнаревым.

Но несмотря на это в 2004 году интересы Арсена Борисовича и Евгения Петровича стали очевидно расходиться. На «7 канале», в отличие от центральных, предпочитали выдержанно говорить об оппозиции. Кушнарев же, естественно, был в «бело-голубом» лагере. Арсен Борисович совершенно открыто перешел на сторону Ющенко. В период «оранжевой» революции он стал заместителем регионального «Комитета национального спасения», сделал многое для того, чтобы в Харькове состоялся необычайно весомый для восточно-украинского города (в большинстве своем поддерживавшем Януковича), «Майдан». Журналисты «7 канала» уже открыто агитировали за «оранжевых», здесь транслировался и столичный «5 канал». Фамилия Авакова все чаще звучала в СМИ. Но даже при этом для большого процента харьковчан назначение его губернатором стало сюрпризом. Выбор президента пал на Авакова, которого поддерживали влиятельные лица не только города, но и страны. Новое назначение состоялось 4 февраля 2005 года. Выступая сразу после этого перед активом области, Арсен Борисович вспомнил слова Наполеона: «50 тысяч солдат и я – это 100 тысяч солдат».

Харьковчане восприняли известие об этом неоднозначно. Во-первых, сторонники Януковича, так или иначе, были бы недовольны любым «оранжевым» кандидатом. Во-вторых, пораживала очевидная связь Арсена Борисовича с бизнесом. Крупный банкир, «владелец заводов, газет, пароходов»... Это как-то не очень вязалось с декларативным стремлением нового президента и его соратников «отделить власть от бизнеса». В Харькове сразу же состоялось несколько акций протеста. В ответ Аваков демонстративно отказался от своего бизнеса – например, вышел из наблюдательного совета АО «Инвестор» и АКБ «Базис». Губернатор убеждал и убеждает, что во власть его привели не экономические интересы, а жизненные идеалы, которых, по его мнению, старая власть лишала украинское общество. При этом Арсен Бори-

сович не стесняется напоминать о том, что он состоятельный человек. Губернатор считает, что в связи с этим обстоятельством его невозможно подкупить. Аваков сразу заявил о поддержке программы новой власти на искоренение коррупции, обеспечение полной свободы слова и о том, что приоритетное значение отдает вопросам восстановления общественной морали.

Новый хозяин области столкнулся и с другими, более практическими социальными и экономическими проблемами. Это и продолжение строительства нового метро, за деньгами на которое мэр и губернатор безуспешно обращались к центральным органам, и финансирование завода им. Малышева (и вообще подъем местного машиностроения), и обеспечение посевной, и борьба с экономическими преступлениями. В рамках этой борьбы, по сообщению Авакова, в Харьковской области, например, была выявлена преступная группа по расхищению конденсата, которая действовала на территории четырех районов. Также пресечены были «левые» операции в лесном хозяйстве. Еще на своем представлении Арсен Борисович пообещал создать к концу года 50 тысяч новых рабочих мест. Важным участком своей работы он считает привлечение инвестиций и находит очень конструктивной в этом смысле деятельность, которая ведется в отношении Харьковского авиастроительного завода. Несмотря на определенную сложность отношений Украины и России, Арсен Борисович хочет сделать Харьковскую область регионом образцово эффективного и взаимовыгодного сотрудничества с российскими предпринимателями. Губернатор обещает возродить сеть сельских библиотек, борется с игровыми автоматами на улицах, заботится о программе «Школьный автобус» и т. д.

Глава Харьковской областной администрации начинает рабочий день в 8 утра, а заканчивает иногда в 2 часа ночи. Говорит, что как системотехник надеется наладить работу аппарата таким образом, чтобы не приходилось постоянно вникать во все подробности и прилагать сверхусилия. В областной государственной администрации и районных администрациях произошли серьезные кадровые изменения, в частности, значительное омоложение состава. О результатах работы команды Авакова говорить, по большому счету, еще рано, но когда Арсен Борисович рассказывает об экономическом росте, перевыполнении планов по налогам, он излучает оптимизм. Аваков вообще улычив и раскован, ему не откажешь в обаянии. Он любит общаться с прессой и тележурналистами, завел в Интернете собственный форум.

Арсен Борисович женат, воспитывает сына. Его самое известное увлечение – научная фантастика. Недаром долгое время он спонсировал международный фестиваль фантастики «Звездный мост». Еще Аваков признается, что любит путешествовать. Впрочем, сейчас ему не до этого. У него много дел – ему еще надо вписать свое имя в историю Харькова. Желательно золотыми буквами.

Алчевский Алексей Кириллович, Алчевская Христина Даниловна

АЛЧЕВСКИЙ АЛЕКСЕЙ КИРИЛЛОВИЧ
(род. в 1835 г. – ум. в 1901 г.)

АЛЧЕВСКАЯ ХРИСТИНА ДАНИЛОВНА
(род. в 1841 г. – ум. в 1920 г.)

Алексей Алчевский – крупный банкир, промышленник, меценат. Христина – его жена. Основательница бесплатной женской школы, подвижница народного просвещения

... а также Иван, Дмитрий, Николай, Григорий, Анна и, наконец, младшая – Христина. Все они достойны отдельных статей. Уникальная семья, феноменальные таланты, разносторонние люди. Каждый из них оставил свой след в истории Харькова и не только его. Как верно подмечено в одной статье, название города Алчевска – это памятник не только главе славной семьи, Алексею Кирилловичу, но и всем его родственникам, трудившимся на благо народа Украины.

В центре Харькова многое напоминает о семье Алчевских. В помещении знаменитой школы Христины Даниловны находится выставочный зал Художественного музея, недавно установлен памятник Алексею Алчевскому – подарок города Алчевска к 350-летию Харькова, сохранились здания банков, которыми руководил Алексей Кириллович. Едва ли не каждый видный городской деятель – ученый, администратор, художник – так или иначе был связан с Алчевскими.

Алексей Кириллович родился в Сумах в 1835 году в семье владельца бакалейной лавки. От отца Алексей унаследовал в первую очередь предприимчивость, образование же он получил довольно слабое – окончил два класса местного училища. Развернуть активную экономическую деятельность он решил в Харькове, куда и переехал в 1860 году. Открыл он здесь скромную чайную фирму. За книги о финансах и торговле засел самостоятельно, как и просто за книги. Тяга Алчевского к знаниям была исключительно велика – недаром он через некоторое время стал активно трудиться на просветительском поприще, возглавлял местную «Громаду», спонсировал проекты своей жены Христины Даниловны.

Христина Даниловна родилась на Черниговщине в селе Борзна 14 (26) апреля 1841 года. Отец ее был учителем. Как это ни странно, но он был категорически против того, чтобы его дочь получала образование, считал это не женским делом. Так что пришлось юной Христе подслушивать под дверью, как занимаются с нанятым за гроши семинаристом ее братья. Было это уже в Курске, куда переехала семья Журавлевых (такова была девичья фамилия Христины Даниловны). Втайне от отца девушка доставала книги, журнал Герцена «Колокол», научилась разбираться в искусстве, однажды даже напечатала свои стихи в «Северной пчеле». Алексей Кириллович Алчевский брал в жены человека, возможно, более образованного, чем он сам, хотя и не имевшего об этом никаких свидетельств.

Уже через год после приезда в Харьков Христина Даниловна поступила на работу в воскресную школу учителем. Но школа практически тут же была закрыта, и Алчевской пришла в голову мысль учить бедных девушек (модисток, прислугу, фабричных работниц, жен и дочерей ремесленников) дома. Было набрано 50 учениц, которых бесплатно начали учить ряду основных предметов. Алчевская посвящала этому благому делу большую часть жизни. Постепенно она привлекла к работе ряд серьезных харьковских ученых, позже в школе (опять же бесплатно, «на энтузиазме») преподавали такие крупные представители науки, как историк Багалеи и физиолог Данилевский. Но для начала Христине Даниловне пришлось преодолеть множество административных препон. Школу несколько раз пытались закрыть. В частности, под тем предлогом, что Алчевская не имеет диплома учителя. В конце концов через восемь (!) лет активной преподавательской деятельности Христине Даниловне пришлось сдать экзамен по арифметике, русскому языку, Закону Божьему, после чего от нее на некоторое время отстали, дали возможность перенести занятия из дома наставницы в помещение начального училища. А в 1896 году архитектор Бекетов выстроил то самое здание, в котором сейчас находится Художественный музей.

Количество учениц Алчевской постоянно увеличивалось (оно было доведено к концу педагогической деятельности Алчевской до пятисот), рос ее авторитет не только в Харькове, но и за его пределами. Выдающаяся просветительница в 70-х годах начала печатать статьи о

народном образовании. Самым большим ее достижением на этом поприще было издание библиографического справочника «Что читать народу», о котором очень хорошо отзывались Лев Толстой, Александр Островский, Иван Франко. Сборник выдержал 17 изданий. Отдельную переписку с Христиной Алчевской вел Достоевский, который называл свою харьковскую корреспондентку человеком, который «имеет дар «одно *хорошее* видеть»... Кроме того, вижу, что Вы сама – из новых людей (в добром смысле слова) – деятель и хотите действовать». Первый том упомянутого сборника был отмечен наградой на Всемирной Парижской педагогической выставке. Христина Даниловна стала признанным авторитетом в области методики преподавания грамоты взрослым. Алчевская участвовала в нескольких зарубежных выставках, состояла членом многочисленных просветительских обществ. По примеру ее харьковской школы подобные заведения возникли еще в двенадцати городах России, в том числе в Москве. В 1910 году она была избрана вице-президентом Международной лиги просвещения.

Алексей Кириллович Алчевский полностью разделял убеждения жены и одобрял ее деятельность. (Собственно, на чьи деньги эта деятельность могла осуществляться?) Дела же его шли в гору по мере развития в России капиталистических отношений. Он сам и двигал их вперед. В 1868 году Алексей Алчевский основал в Харькове первый в Украине банк коммерческого кредита (Харьковский торговый банк), через три года он же создал первый во всей империи Земельный банк. Вскоре Алексей Алчевский был избран главой Харьковского биржевого комитета.

Основной задачей Земельного банка были операции с землей помещиков, которые после реформ Александра Освободителя не могли сами содержать свои огромные участки. Банк выдавал любые ссуды землевладельцам под залог недвижимости. Земли же тех, кто не мог рассчитаться с долгами, переходили к новому хозяину – им чаще всего становился опять же Алчевский. Как один из первых русских олигархов, Алексей Кириллович, конечно, не ограничивался банковской деятельностью, в аренду лучше сдавать самому себе, а на новых землях развивать прибыльное производство – так решил действовать Алчевский. В тот момент наиболее перспективным было вложение денег в быстро растущую горнодобывающую промышленность, металлургию. Все это происходило тут же под боком – в Донбассе. Алексей Кириллович путем скупки земель у помещиков, заключения договоров с крестьянами приобрел чуть ли не половину всей нынешней Луганской области. Здесь он основал Донецко-Юрьевское металлургическое общество (ДЮМО), здесь же вело основные работы также основанное Алчевским Алексеевское горно-промышленное общество. Концентрация в своих руках производственной цепочки уголь – металл позволила Алексею Кирилловичу быстро увеличить во много раз свой капитал. (К концу XIX века, по некоторым источникам, он достигал 30 миллионов рублей.) В отличие от ряда своих коллег Алексей Алчевский отказался от государственных заказов (касавшихся, как правило, производства рельсов), а построил работу предприятий на фундаменте частного спроса. Он был категорическим противником проникновения на российский рынок и российские заводы иностранного капитала – бельгийцев, французов, англичан. Несколько раз представители зарубежных компаний делали Алчевскому заманчивые предложения по продаже контрольного пакета акций его предприятий (например, горнопромышленного общества, акции, изначально стоившие пятьсот рублей, теперь шли по две тысячи), но получали от ворот поворот.

Кроме указанных заводов, Алчевский создал объединение «Русский провиданс» в Мариуполе, на основе которого впоследствии был построен знаменитый металлургический комбинат им. Ильича. Чайную торговлю предприниматель оставил в управлении жены – «на булавки».

В Харькове, как уже было сказано, Алчевский лично участвовал в ряде просветительских проектов – создании публичной библиотеки (ныне им. Короленко), Общества распространения грамотности среди народа. Комитет этой организации в Сумах возглавил брат Алексея

Николай. В Сумах же братья Алчевские открыли женскую воскресную школу, публичную библиотеку. Следует заметить, что Алчевские очень интересовались именно украинской культурой, ратовали за ее развитие. В сборнике «Что читать народу» были отдельные главы, посвященные украинским произведениям, в первую очередь Шевченко. Первый в городе памятник Кобзарю был установлен на территории усадьбы Алчевских в 1899 году. Алексей Кириллович активно работал в «Громаде» (в том числе и тогда, когда ей пришлось уйти в подполье). Сын Иван, работая в Большом театре в Москве, основал музыкально-драматическое общество «Кобзарь».

Заботились супруги и о развитии образования среди рабочих созданных Алексеем Кирилловичем предприятий. В Алексеевке Христина Даниловна открыла сельскую школу с преподаванием на украинском языке. Учителем был приглашен знаменитый писатель Борис Гринченко. Сейчас в школе создан музей Гринченко, на входе в который висит портрет Христины Даниловны Алчевской.

В Харькове под впечатлением от работ Чернышевского Христина Даниловна открыла специальную швейную мастерскую для «девушек, погибающих в нищете и разврате». К сожалению, когда мастерская перешла к другой хозяйке, она превратилась в заурядный модный магазин. В годы русско-турецкой войны Христина Даниловна работала в больнице.

К работе в харьковской школе Алчевской были привлечены и ее дети. Их у четы Алчевских было шестеро. Практически все они стали известными людьми. Иван – один из лучших российских теноров, солист Мариинского театра; Григорий – педагог-вокалист, композитор; Дмитрий – кандидат естественных наук, он остался в совете акционерного Алексеевского горно-промышленного общества и после смерти отца; Николай – театральный критик и педагог, автор украинского букваря, изданного в 1919 году; Анна – художница, вышла замуж за архитектора Бекетова. Христина Алексеевна – известная поэтесса, училась в Париже, состояла в переписке с Ольгой Кобылянской, Лесей Украинкой, Иваном Франко, лично дружила с небезызвестным харьковским адвокатом Михновским (ярким националистом, организовавшим взрыв памятника Пушкину), затем была одним из организаторов первой украинской политической партии РУП (написала для нее гимн), участвовала в митингах и стачках в 1905 году. Христина Алексеевна была не только поэтессой, но и переводчиком – осуществила перевод на украинский язык ряда романов Гюго, на французский переводила Шевченко.

Трагически закончилась жизнь главы семейства. В 1900 году в стране начался экономический кризис (в 1900–1903 годах им была поражена вся мировая экономика), все увеличивалось количество банкротов, закрывались крупнейшие заводы, товары не находили спроса. Некоторое время предприятия Алчевского продолжали работать как ни в чем не бывало – на поддержание производства и зарплат Алексей Кириллович стал использовать не доходы от продаж, а резервы Земельного банка. В конце концов банк разорился. Весной 1901 года Алчевский впервые отправился «на поклон» к императору, он просил о размещении на его заводах государственных заказов. Правительство отказало харьковскому дельцу – то ли потому, что мстило ему за предыдущие отказы, то ли под нажимом иностранного лобби. 7 мая 1901 года Алексей Кириллович погиб под поездом на Царскосельском вокзале. До сих пор обстоятельства его смерти остаются невыясненными. Версии таковы: несчастный случай, самоубийство разорившегося и отчаявшегося предпринимателя или... Акции предприятий Алчевского были скуплены французами и бельгийцами за считанные месяцы после его смерти. В то же время исследователи утверждают, что финансовое положение Алексея Кирилловича было далеко не столь плачевным, он еще располагал несколькими миллионами рублей. Ищи, кому выгодно? Впрочем, другие историки утверждают, что долг Алчевского составлял 19 миллионов рублей и без продажи предприятий выплатить его он не мог бы. Харьковский торговый банк после смерти его руководителя был закрыт, Земельный оказался в руках москвичей Рябушинских.

Так или иначе, работники ДЮМО сохранили память о своем благодетеле. В 1903 году по их просьбе станция Юрьевка была переименована в Алчевск, а вслед за станцией то же имя получил и рядом находящийся поселок. Это имя он носит и сейчас.

Христина Даниловна и после смерти мужа продолжила заниматься благотворительностью и просвещением народа. Умерла 15 августа 1920 года, всего за год до этого она прекратила работать в своей школе.

Артем

Настоящее имя – Сергеев Федор Алексеевич (род. в 1883 г. – ум. в 1921 г.)

Профессиональный революционер, организатор революционного движения на востоке Украины, Урале, в Австралии.

Темное это было дело – Российская революция. Многие события нам до сих пор известны лишь в общих чертах. Многолетняя правка отечественной истории, секретность информации, участие в событиях осторожных органов разведки и контрразведки – все это скрыло от нас истинную суть событий, профессиональные революционеры из живых людей превратились в памятники и улицы. Их деятельность рисовалась исключительно последовательной и согласованной. Казалось бы, разве были какие-то секреты у советской идеологии по поводу такого пламенного большевика, как Артем? Верный ленинец, не репрессирован... Его имя не вымывалось из учебников. Но что мы на самом деле о нем знаем? Попробуем еще раз взглянуть на биографию этого уважаемого в Харькове человека и хотя бы обозначим наши вопросы к будущим исследователям жизни товарища Артема.

Настоящее имя, фамилия и отчество Артема – Федор Андреевич Сергеев. Но в партии его называли исключительно псевдонимом. Собственно, так же псевдонимы использовало множество руководителей большевиков, но чуть ли не один Сергеев пользовался даже на официальном уровне псевдонимом-именем. Так, в составе ЦК, избранном в 1920 году, сказано, что членами комитета являются «Андреев А. А., т. Артем, Бухарин Н. И., Дзержинский Ф. Э...» Почему? Спишем это на необычайную популярность Артема среди простых рабочих. Ведь в организации их движения Артем провел полжизни, постоянно меняя место работы, оказываясь то на Урале, то в Донецке, то в Китае... Но обо всем по порядку.

Родился революционер 7 (19) марта 1883 года в селе Глебово Фатежского уезда Курской области. Отец и дед Федора происходили из крестьян, но уже давно занимались подрядами на строительство. Среди сооружений, которые возводили предки Артема, например, Луганский вокзал. Работали они и на строительстве Транссибирской магистрали. Возможно, самые выгод-

ные заказы в конце позапрошлого века поступали из бурно развивающейся промышленной, угольной, металлургической, железнодорожной восточной Малороссии. Туда-то, а именно – в Екатеринославскую губернию (охватывавшую значительную часть Донбасса) и направилась семья Сергеевых. В Екатеринославе Федор Сергеев окончил реальное училище, после чего отправился в Москву, где поступил на механический факультет Высшего технического училища (того, что сейчас носит имя другого революционера – Баумана). Надо сказать, что заведение это было престижное, вероятно, семья Сергеевых не бедствовала. В училище Федор проучился лишь год (1901? 1902), а в феврале 1902 года уже в качестве члена недавно созданной РСДРП принял участие в студенческих забастовках, был исключен из вуза и посажен в Воронежскую тюрьму. Отбыв полугодовое заключение, Артем (теперь его следует называть только так) эмигрировал за границу, очутился в Париже, где, по некоторым данным, его приютил... Илья Мечников! Профессор был, конечно, либералом по убеждениям, но факт все равно в высшей степени занимательный.

В Париже Артем поступил слушателем в Русскую высшую школу общественных наук М. Ковалевского. В школе прошли подготовку многие представители левых партий России. Лекции здесь читал и Владимир Ленин. Вернувшись в Россию, а точнее – в Украину¹, Артем был распространителем «Искры», работал в Екатеринославе, городах и поселках Донбасса, сотрудничал с Южным бюро ЦК РСДРП. В начале 1905 года Артем выходит из очередного заключения и становится лидером революционного движения в Харькове, организует здесь большевистскую группу «Вперед». В декабре именно он руководил в городе вооруженным восстанием рабочих, которое, впрочем, ни к чему особенному не привело. В 1906 году он избирается делегатом 4-го (объединительного) съезда РСДРП. К этому моменту он уже твердо стоит на большевистской платформе, является одним из тех, кто делает всю работу на местах по указанию заграничных руководителей, бросается в самое пекло, выполняет самые ответственные задания. Артем профессиональный революционер, он стреляет, скрывается от полиции (однажды ему пришлось прятаться в больнице для умалишенных). Любопытно, что он обладал потрясающей способностью к перевоплощению, чему, вероятно, способствовала заурядная внешность. В том же 1906 году Артем снова арестован, бежит из харьковской тюрьмы на Урал, где по заданию партии организует рабочее движение. Его деятельность привела к тому, что на выборах в Государственную думу рабочую курию выборщиков региона составили почти сплошь одни большевики.

Из-за предательства одного из близких соратников в Перми Артем снова арестован, а по истечении срока заключения приговорен к пожизненной ссылке в Восточную Сибирь. И здесь он надолго не задержался. В 1910 году через Корею и Японию Артем бежит в Китай. Некоторое время он работал в Поднебесной простым кули (чернорабочим), затем направился в Австралию. В Квинсленде он работал портовым грузчиком, батрачил на фермах. Деятельность здесь российского революционера сама по себе одна большая загадка. Как ему удалось столь быстро получить доверие австралийских рабочих и социал-демократов? Ведь речь идет о подданных Британской короны, у которых традиции рабочего движения уже насчитывали сотню лет. Артем (или Большой Том, как его называли австралийские коллеги) не только создал Союз русских рабочих-эмигрантов, но и начал издавать газету «Австралийское эхо», возглавил несколько профсоюзных акций. «Зрелище неорганизованных масс для меня невыносимо», – писал тогда неутомимый большевик.

После Февральской революции Артем возвращается в Харьков, поступает слесарем на завод русско-французского общества, возглавляет большевистский комитет Харьковского Совета, на VI съезде РСДРП(б) избирается членом ЦК. В Харькове под его руководством изда-

¹ «Я позорно бежал в Россию, потому что я чувствовал себя плохо среди непонятной мне европейской культуры. И чувствовал себя в своей стихии в сравнительно варварской России», – так он писал о своем возвращении на Родину.

ется газета «Пролетарий», он же становится секретарем областного бюро профсоюза металлистов. Одновременно участвует в работе партийных организаций Донецко-Криворожского района, где также пользуется большим авторитетом. Артем возглавлял Донецкий областной комитет РСДРП(б).

Пламенный оратор, решительный практик, зарекомендовавший себя как непревзойденный организатор большевистских и рабочих отрядов, боевых дружин, в октябре вызывается в Петроград, где непосредственно участвует в большевистском перевороте. Потом – снова Украина. Здесь тогда разворачивались бурные события. В Киеве свою власть над Украиной провозгласила Центральная Рада, а в Харькове категорически возражали против этого большевики во главе с Артемом. С 24 ноября он был председателем президиума исполкома Харьковского Совета и губернского Военно-революционного комитета, и одновременно на Донбассе, еще до организации Красной Армии, под руководством товарища Артема создаются вполне боеспособные войсковые части.

В декабре 1917 года в Киеве созывается I Всеукраинский Съезд Советов, на котором Центральная Рада правдами и неправдами обеспечивает себе подавляющее преимущество. Киевские большевики – Затонский, Скрыпник, Бош и другие вынуждены были покинуть съезд и переехать в пролетарский Харьков. В это же время здесь проходил III Съезд Советов Донкривбасса, признанным лидером на котором был Артем. Надо сказать, что киевских коллег здесь приняли не так уж тепло. Противоречия между ленинским руководством, сторонниками единой Советской Украины вместе с Донецкой областью и руководителями Донецко-Криворожской республики до сих пор остаются не до конца изученными. Судя по всему, Артем сотоварищи вовсе не считал необходимым и само собой разумеющимся вхождение Советского Донбасса и Кривбасса в состав Советской Украины. Центром же промышленной Восточно-Украинской республики он видел Харьков. Но тогда, в конце 1917 года, большевикам все же удалось договориться, и 25 декабря в Харькове альтернативный киевскому съезд Советов провозгласил образование Советской Украины. Артем был избран членом ЦИК Советов Украины и вошел в состав советского украинского правительства – Народного Секретариата. Артем занимал должность народного секретаря по делам промышленности и торговли.

В январе 1918 года он стал председателем Южного областного Совета народного хозяйства, руководил национализацией предприятий. Вскоре был заключен знаменитый Брестский мир (сторонником которого, в отличие от многих соратников по партии, Артем был с самого начала), и политическая ситуация в Украине резко изменилась. Украину быстро занимали немецкие войска. Вот тут-то и появилась на свет пресловутая Донецко-Криворожская советская республика. Она была провозглашена 9 февраля, столицей стал Харьков, а главой Совнаркома и комиссаром народного хозяйства Артем.

Надо сказать, что хоть центральное российское руководство и использовало новое образование для борьбы с немцами (официально после заключения договора Россия в Украине действовать не могла, а вот всячески поддерживать и деньгами, и инструкциями дружественное государственное образование – это совсем другое дело), его отношение к ДКР было далеко от одобрительного. Ленин видел Донбасс в составе Украины. Поэтому-то в Харькове на учредительной конференции появился Серго Орджоникидзе, имевший личное указание от Ленина «помирить» всеукраинских большевиков (Затонский, Скрыпник и другие) и донецко-криворожских (Артем, Межлаук, Рухимович). Это ему не удалось. На сообщение же об образовании ДКР Свердлов прислал телеграмму, где прямым текстом было сказано: «Отделение считаем вредным».

Несмотря на это, правительству Донецко-Криворожской республики удалось организовать серьезный отпор войскам Центральной Рады и Германии. Поездку Артема в Екатеринослав, где 17-19 марта 1918 года состоялся Всеукраинский съезд и подписание им «Декрета военных действий», согласно которому объединялись силы всех южнороссийских Советских

республик (УНР, ДКР, Крымской, Одесской и Донской), официальная историография считает концом существования Донецкой республики. Но на самом деле войска ДКР организованно отошли из Украины на Новочеркасск только 23 апреля², а подпольный обком продолжал действовать в регионе до освобождения его немцами в начале 1919 года.

А дальше – Артем среди организаторов Красной Армии и ее действий на юге России, участник обороны Царицына, борьбы с войсками Каледина. В 1918–1919 годах он работал заместителем председателя и одновременно народным комиссаром советской пропаганды Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, с апреля 1919 года был председателем Донецкого губисполкома. Затем возглавлял борьбу с деникинскими войсками. В ноябре 1920 года Артем отозван в Москву, где становится секретарем Московского комитета РКП(б). В этом же году он вторично был избран в ЦК партии. С февраля 1921 года Артем – председатель Центрального Комитета Всероссийского союза горняков, член Совета труда и обороны РСФСР, работает в Топливном комитете при СНК. Он принимает активное участие в работе Коминтерна и Профинтерна, мечтает о создании Всемирной организации шахтеров.

Главная загадка биографии Артема – его гибель. Во многих официальных источниках написано, что он погиб при катастрофе аэровагона. Некоторые авторы утверждают, что это не что иное, как вагон, оборудованный пропеллером. Такое устройство было выделено делегатам Конгресса Коминтерна для поездки в Тулу для ознакомления с местной добычей угля главкомом Советской республики С. С. Каменевым. На обратном пути 24 июля 1921 года в 6 часов 35 минут, на 104 версте Курской дороги аэровагон сошел с рельсов. Из 22 делегатов 6 погибли. В том числе и Федор Андреевич Сергеев. Похоронен один из старейших по стажу большевиков, любимец металлистов и шахтеров у Кремлевской стены. До сих пор многие утверждают, что Артем был устранен партийными бонзами, видевшими в нем опасного конкурента, авторитетного, харизматичного, заслуженного. Нелепая смерть для человека, прошедшего через горнило трех революций, Гражданской войны, нескольких тюрем и ссылки...

Всего за полгода до смерти Артема 24-летняя жена Елизавета Львовна подарила ему сына – Артема. После смерти отца его усыновил сам Сталин, к слову, большой друг погибшего революционера. Так что воспитывался Сергеев-младший Надеждой Аллилуевой вместе с детьми «отца народов». Он выбрал карьеру военного, стал артиллеристом. Участвовал в Великой Отечественной войне и проявил такую же отчаянную смелость, как и отец. Был взят в плен, побывал в трех немецких лагерях, бежал, примкнул к партизанам, участвовал в боях за Москву, Сталинград, Кенигсберг, Варшаву, Прагу. Артем Федорович носит на груди настоящий иконостас из боевых орденов. В отставку вышел в звании генерал-майора артиллерии.

Поскольку Артем не дожил до сталинской эпохи, его не пытались забыть. Наоборот, охотно называли его именем города, улицы и дома культуры. В Украине его именем был назван город Бахмут Донецкой области (ныне Артемовск). В Харькове Епархиальная улица была переименована в улицу Артема, в его же честь назван один из городских парков культуры и отдыха.

² Любопытно, что при отступлении Красной Армии Артем убедил рабочих не затоплять шахты. На этом основании некоторые исследователи даже подозревают его в тесных связях с Германией. Зато, когда советская власть окончательно утвердилась в регионе, Артем лично очень много сделал для того, чтобы все предприятия Донбасса заработали на всю возможную мощность. Другой известный эпизод, связанный с отступлением Советов из ДКР, – Артем, вооруженный пистолетом, прекращает панику среди красноармейцев на Харьковском вокзале.

Ахиезер Александр Ильич

(род. в 1911 г. – ум. в 2000 г.)

Выдающийся физик-теоретик, создатель собственной школы теоретической физики.

В 30-х годах прошлого века Харьков превратился в один из известнейших центров физической науки не только СССР, но и всего мира. Причина – организация в городе крупного физико-технического института УФТИ и работа в нем ряда крупнейших ученых. Именно в Харькове, впервые в Союзе, был основан при институте теоретический отдел, история которого, конечно, в первую очередь, связана с именем Льва Ландау. Знаменитый ученый проработал в Харькове лишь несколько лет, но он успел на долгие годы вперед заложить основы развития теоретической физики в УФТИ. Так что даже после переезда столицы в Киев, после разрушительной войны, когда многие деятели науки и культуры оставили Харьков, ученые продолжали здесь трудиться, слава города как физического центра не померкла. Свои собственные школы создавали здесь уже ученики Ландау, которые сами стали легендами. Лев Давидович говорил, что Харьков стал удельным княжеством всемогущего Ильмеха – Ильи Михайловича Лифшица. На самом деле «князей» было двое, соперничество их школ было известно не только представителям физической науки, многолетняя плодотворная работа двух мудрецов из УФТИ и их преданных учеников и соратников определила интеллектуальное лицо Харькова. Главой другой школы был выдающийся физик-универсал Александр Ильич Ахиезер – знаменитый АИ.

Александр Ильич скончался сравнительно недавно, не дожив чуть-чуть до своего 90-летнего юбилея. До последнего дня он оставался в курсе всех основных проблем и тем ХФТИ, руководил проектами, давал советы молодым и уже совсем немолодым ученым, писал (вернее, диктовал) статьи и заметки. Он оставался на вершине харьковской научной иерархии, живой легендой, но и живым человеком. Таким образом, практически вся история Харьковского физико-технического института неразрывно связана с биографией этого человека. Александр Ильич пришел сюда в 34-м году, ушел... Да еще не ушел, работы АИ остаются одними

из самых цитируемых, многие направления исследований заданы именно Ахиезером. Мы уже не говорим о том, сколько человек являются его учениками, а сколько учениками учеников, а сколько учениками учеников учеников.

Родился Александр Ильич Ахиезер 31 октября 1911 года в селе Чериков в Белоруссии. Отец его – Илья Александрович был земским врачом, закончившим, между прочим, Харьковский университет. Он мог бы остаться в Харькове, переехать в другой большой город – способности позволяли, но видел свое призвание в принесении конкретной пользы народу. Человеком он был исключительно и необычно интеллигентным для мест, где он жил. Так же, как и его жена, Наталья Григорьевна, знавшая, например, немецкий язык, любившая классическую литературу. Так что нет ничего удивительного, что оба сына четы Ахиезеров получили высшее образование, оба отличались удивительной эрудицией, часто не связанной с их непосредственной деятельностью. Старший – Наум Ахиезер тоже стал известен именно в Харькове. Этот блестящий математик работал в Харьковском университете много лет. Младшему брату он в детстве стал прививать любовь к математике. Александр намного обогнал своих сверстников в познаниях по данному предмету. Наум научил его вычислению сложнейших интегралов и многим другим вещам. Но когда стал вопрос о выборе профессии и речь зашла о математике, жена Наума Ильича сказала, что хватит уже в семье одного человека, который сушит себе мозги. Так что Саша Ахиезер отправился поступать в Киевский политехнический институт. Туда он был принят легко – как выходец из семьи, близкой к пролетариату (земского врача считали представителем именно такого сословия), а также представитель братской республики.

Александр закончил электротехнический факультет этого вуза. О своей учебе он всегда вспоминал с удовольствием. Пришлось ему по душе и бригадный метод. В его бригаде, например, был представитель от партии и от рабочих. А сам Ахиезер отвечал за решение математических задач и сдачу экзаменов. Как инженер по образованию, Александр Ильич навсегда сохранил особый пиетет к прикладным наукам, никогда не был высокомерен в общении с экспериментаторами – наоборот, с большим интересом расспрашивал их об их работе. Но ему суждено было стать теоретиком. По окончании института он по предложению старшего брата направился в Харьков, чтобы там заняться теоретической физикой, поскольку, по мнению семьи, он уже неплохо в этом разбирался. Разбирался он в физике довольно слабо, что и доказал немедленно начальник теоретического отдела УФТИ Лев Ландау. Об этой первой встрече обожавший Дау Ахиезер не раз вспоминал впоследствии. В институте, который еще пах свежей краской (было это в 1934 году), его встретил Антон Вальтер и повел к Ландау. Лев Давидович встретил его в своем кабинете, закинул ноги на стол и попросил написать уравнение Максвелла в четырехмерной форме. Этого инженер из Киева сделать не мог. Не справился Александр Ильич и со следующим физическим заданием. Ландау это нисколько не смутило. «Вас же в Киеве учили? – переспросил он. – А там не физики, а дантисты». Посмотрим, что Вы знаете по математике». Ахиезеру был предложен интеграл, который он с блеском решил, да еще и нетривиальным методом. (Сказались занятия с братом.) Ландау был вполне удовлетворен и сказал, что берет нового сотрудника в свой теоротдел, но «физику придется изучить».

Молодые люди, которых набирал к себе Ландау, действительно должны были заново учить физику. Лев Давидович разработал теоретический минимум, включавший в себя около восьми основных физических разделов, которые экзаменуемые должны были знать «на зубок». Всего за его жизнь этот теорминимум сдало около 40 человек, большинство из которых стали академиками. Первым сдавшим был А. Компанеев, вторым многолетний соавтор и друг Дау Евгений Лифшиц, а третьим стал Шура (так его называл Ландау). Сдавшие экзамен могли впоследствии обращаться к учителю на «ты». Многие сотрудники Александра Ильича вспоминают, что у него, как и у самого Дау, была своя иерархия физиков мира. Эйнштейн был Богом, а отношение к Дау у АИ было сродни мистическому преклонению. Ахиезер очень

часто его вспоминал, обязательно «пробивал» свои работы и работы своих учеников в Москве у Льва Давидовича.

Лев Ландау собрал вокруг себя несколько талантливейших физиков, совершенно особая, дружеская атмосфера царила в теоретическом отделе УФТИ в середине тридцатых годов. В свите Дау: Евгений Лифшиц, Александр Ахиезер, венгр Ласло Тисса, младший Лифшиц – Илья, Исаак Померанчук. Последний стал ближайшим другом Ахиезера. Одну из первых своих серьезных научных работ «Шура» по поручению Ландау выполнял именно с «Чуком». Молодые харьковские физики работали над созданием теории рассеяния фотона фотоном (или попросту света светом) в области высоких энергий. Дело пошло не сразу. Первые вычисления Ландау резко раскритиковал, но натолкнулся на стойкое несогласие ученика. (В самый горячий момент спора вошел один из сотрудников, взял со стола два подсвечника, дал один Дау, другой Ахиезеру и сказал: «А теперь побейтесь!» Ландау рассмеялся и махнул рукой: «Черт с тобой, считай, как хочешь».) Подсчеты эти были делом непростым. Нужно было, чтобы участвовавшие в формуле 144 члена обратились в ноль. Много дней подряд работники теоретического отдела наблюдали сидящих за двумя соседними столами Померанчука и Ахиезера, которые независимо друг от друга производили поэтапные вычисления, постоянно переругиваясь и шутя. Потом сверяли результат и переходили к следующему этапу. Как вспоминает Александр Ильич, «потом они стали со свистом сокращаться». Вышел действительно ноль. Чук и Шура были страшно довольны, тем более что учитель признал их успех. Через много лет, когда Исаак Яковлевич Померанчук работал в Москве, Ахиезер часто приезжал к нему, подчиненные Померанчука говорят, что АИ был едва ли не единственным человеком, который мог работать, сидя за столом начальника. Когда при Исааке Яковлевиче упоминали фамилию его друга и «брата», он поднимал палец и многозначительно произносил: «Александр Ильич! Александр Ильич!».

Лев Ландау много времени посвящал вопросам преподавания. Он хотел поставить дело воспитания научных физических кадров в стране и в Харькове в частности на большую высоту, имел целый ряд своих новаторских идей. Поэтому он согласился на предложение преподавать в Харьковском университете. Тогда же начинается написание знаменитого, нестареющего курса физики Ландау и Лифшица. К преподавательской работе Дау привлек и большинство своих сотрудников. Александр Ахиезер в 1936 году начинает читать лекции в Харьковском электротехническом институте, в том же году защищает кандидатскую диссертацию и поступает на работу в Харьковский государственный университет. Полстолетия связывают его с этим учебным заведением. Впрочем, начало многолетнего сотрудничества выдалось нелегким. Как раз тогда университетские преподаватели начали кампанию по вытравливанию из вуза Льва Ландау. Для этого у них было много причин. Во-первых, колючий характер талантливого физика, его подтрунивание над менее одаренными коллегами, во-вторых, его радикальное изменение программы курса. Под свои претензии, оформленные в виде жалоб и заявлений в вышестоящие органы, коллеги Ландау подвели идеологическую основу – якобы Лев Давидович выступает против закона сохранения энергии, т. е. склоняется к идеализму. Ландау был вынужден уволиться из ХГУ. В знак протеста заявления об уходе написали все преподаватели университета, которые работали в УФТИ. Двоих из них вызвали в Киев – Померанчука и Ахиезера. Александр Ильич вспоминает, что принял их нарком просвещения Затонский, химик по специальности. Он спросил: «Что же это вы, товарищи, Ландау поддерживаете, а он же против закона сохранения энергии». Александр Ильич немедленно сказал: «Так как же он против, когда вот только вчера мы с Исааком Яковлевичем ему нашу работу показывали, а у нас в одной формуле закона этого не было. Вы бы слышали, какой был скандал, как он нас ругал». Затонский оценил нелепость рассказа, рассмеялся – «Будем считать, что ничего не было. А вы возвращайтесь в Харьков и работайте».

Вскоре Лев Ландау вынужден был оставить и УФТИ. Травля разворачивалась и здесь. Ландау уехал в Москву, а в Харькове продолжался «разбор полетов». Еще один случай, часто

вспоминаемый Ахиезером. Идет партийное собрание. Председатель «допрашивает» Александра Ильича:

- А что Ландау говорил о Марксе?
- Он очень высоко его ценил.
- А что Ландау говорил о Сталине?
- О Сталине он ничего не говорил.
- А что Ландау говорил о товарище Музыкантском (парторге. – *Авт.*)?

– О товарище Музыкантском Ландау говорил, что он своей физиономией должен вызывать отвращение у женщин.

Ахиезера обвинили в том, что он превращает серьезное мероприятие в балаган, но сдавать учителя его сотрудники не собирались. Померанчук даже на одном комсомольском собрании заявил, что за Ландау он на каторгу пойдет. Тех, кто продолжал защищать великого ученого, заклеили словом «підлабузники». АИ был поражен, когда, придя в 1962-м в больницу к чудом выжившему Ландау, услышал от него: «А! Підлабузничек!» – у Льва Давидовича после страшной аварии обострилась «дальняя память» одновременно с резким ухудшением «ближней» и полной потерей научных способностей.

Как известно, Льву Давидовичу не удалось избежать ареста, из тюрьмы его выпустили под личную ответственность Капицы. Пока же он был в тюрьме, Ахиезера и Лифшица-старшего еще раз вызвали в органы. Дело было в том, что к изданию готовили один из томов курса теоретической физики «Механика и молекулярная физика». Его вместе с Евгением Михайловичем и Львом Давидовичем писал и Александр Ахиезер. В кабинете Лифшица и Ахиезеру предложили убрать с обложки имя находящегося под арестом Ландау, но они наотрез отказались. Книга увидела свет лишь в 1962 году.

После отъезда прежнего руководителя теоротдел УФТИ возглавил Александр Ильич. Он оставался на этом посту до 1988 года. В 1940 году АИ стал доктором наук. Вскоре в ХГУ Ахиезер возглавил кафедру теоретической физики.

Во время войны АИ год преподавал в Куйбышевском педагогическом институте, затем работал в УФТИ, эвакуированном в Алма-Ату. В то время Александр Ильич, как и большинство физиков страны, работал непосредственно «на войну», он был включен в ядерный проект. В 1944 году Померанчук добился того, что Ахиезера взяли в так называемую Лабораторию № 2 (Институт атомной энергии). По совместительству Александр Ильич сотрудничал и с Московским энергетическим институтом. То, чем занимались он, Померанчук и другие подчиненные Игоря Курчатова, и до сих пор не до конца открытая тема. Лишь некоторая часть проводившихся исследований публиковалась. По настойчивой просьбе Курчатова Ахиезер в 45-м вернулся в Харьков, где на базе УФТИ под руководством его директора Кирилла Синельникова организовывалась Лаборатория № 1, включенная в «Атомный проект» и подчинявшаяся, по сути, непосредственно Москве. До 1952 года Ахиезер совмещал работу в Харькове с работой в Институте атомной энергии. Игорь Курчатов высоко ценил ученого. Именно по его предложению Померанчук и Ахиезер в 1948 году издали книгу «Некоторые вопросы теории ядра» – уникальную для того времени и исключительно полезную для ученых монографию³. Студенты называли эту книжку «Ах и Помер». Все туда включить не удалось. Каждый раздел, каждая формула тщательно проверялась на предмет секретности в органах. Другая книга этих же авторов вообще была издана только в 2002 году, до этого на чтение рукописи ученым приходилось получать специальное разрешение. Это «Введение в теорию мультиплицирующих систем (реакторов)».

³ За эту работу Ахиезер был удостоен премии АН СССР им. Л. Мандельштама.

В Харьковском физико-техническом институте было организовано два теоретических отдела. ТЛ-1 возглавил Ахиезер (направление работ – квантовая электродинамика, физика плазмы, термоядерный синтез, физика ускорителей⁴), ТЛ-2 – Илья Лифшиц (статистическая физика и термодинамика, физика атомного ядра). С этого времени и начинается дружба-соперничество двух школ, которая обогащала научную жизнь города. Своих соратников Ахиезер находил, прежде всего, в университете. Здесь по его инициативе была организована кафедра теоретической ядерной физики, которую АИ возглавлял до 1975 года⁵. (Из этой кафедры и вырос физико-технический факультет ХГУ.) Ахиезер сам читал ряд фундаментальных физических курсов, брал аспирантов, устраивал молодых физиков на работу в УФТИ и лучших – к себе в отдел. Лектором АИ был, по воспоминаниям большинства студентов, прекрасным. Он исключительно прозрачно и доступно объяснял материал. Сам стремился и просил других объяснять: «По-рабоче-крестьянски, так, чтобы пролетариату было понятно». Обладая отличным чувством юмора, ученый делал свои лекции незабываемыми. Ахиезер полагал, что студенту надо иногда дать отдохнуть от конспектирования, поэтому можно делать перерывы для рассказа какого-нибудь анекдота, истории из жизни – а их Александр Ильич знал миллион: о Сталине, о физиках, просто бытовых и частенько не очень приличных. (Впрочем, с непечатной лексикой АИ студенты знакомились позже, уже когда начинали с ним вместе работать.) «Сколько поле не квантуй, все равно получишь... нуль!», «Что такое такой интеграл без дифференциала? – Это вещь безнравственная!», «А где обман? Если нет обмана, это математика, а не физика!» – соратники с трудом пытаются припомнить все хохмы, слышанные ими в исполнении АИ, многие же просто не годятся для цитирования⁶. Так же непринужденно проходили знаменитые, можно сказать, эпохальные семинары, собиравшие цвет теоретической (и не только) физики города, а часто и других городов. Иногда семинары превращались в театр одного актера, которым был не докладчик, а Ахиезер, задававший с места вопросы, подытоживавший выступления, делавший замечания. Когда выступал АИ, на семинар стремились попасть все – от студента до директора института. Сотрудники Ахиезера по-доброму вспоминают, как в теордомик, на кафедру, в зал для проведения семинаров входил Ахиезер. Он тут же начинал «грохотать», становилось шумно и весело. Работа закипала. Впрочем, добрячком АИ никто не называет. Дочь ученого пишет, что отец не терпел никакой фальши, иногда он был готов буквально растоптать собеседника. Обычно бурно добродушный Ахиезер умел проявить бескомпромиссность и жесткость.

В начале 1950-х годов создавалась «Школа Ахиезера». Среди его учеников П. Фомин, К. Степанов, В. Алексин, Д. Волков, В. Барьяхтар, С. Пелетминский... Всех не перечислишь. Многие воспитанники Ахиезера стали выдающимися учеными, академиками. Многие создали и свои школы. Недаром Ахиезера называют учителем учителей. АИ принимал самое живое участие и в научной карьере, и в личной жизни своих молодых коллег, давал им перспективные направления для работы, помогал печататься, защищал от нападок оппонентов на больших собраниях и в начальственных кабинетах. Все ученики Ахиезера перебивали у него дома, где их принимали с неизменным радушием. Любимыми учениками АИ были Виктор Барьяхтар и Сергей Пелетминский, Ахиезер называл их своими сыновьями.

Александра Ильича часто называют одним из последних физиков-универсалов. Говорят, что он знал всю теоретическую физику, интересовался самыми разными ее проблемами и вопросами, мгновенно схватывал все основное из новых работ и докладов, обладал потряса-

⁴ После войны построение ускорителей было главной задачей, стоявшей перед ХФТИ. Теоретики также были включены в ее решение. На этой почве у АИ с рядом его первых аспирантов даже возник серьезный конфликт, они взбунтовались и хотели заниматься высокой теорией. Ахиезеру удалось их убедить, что все успеется.

⁵ С 1951 по 1964 год Ахиезер также преподавал в Артиллерийской радиотехнической академии им. Л. Говорова.

⁶ К примеру, положительно отзываясь о какой-нибудь работе, он часто говорил: «А вы не такой уж..., и ваша работа не такое уж..., как я думал».

ющей интуицией при выборе наиболее перспективных направлений исследований. Вот некоторые вехи его научной деятельности. Уже было сказано о первой большой работе по теории рассеяния света светом⁷. В 1938 году Александр Ильич выполнил основополагающие работы по теории поглощения звука в диэлектриках и металлах (статья об этом до сих пор является одной из наиболее часто цитируемых из всех трудов АИ, причем в первую очередь – экспериментаторами). В период работы в Институте атомной энергии вместе с Исааком Померанчуком Александр Ахиезер предсказал «холодные нейтроны» и выполнил пионерские исследования по рассеянию медленных нейтронов кристаллами. Чуть позже АИ вплотную занялся плазмой, и в частности поведением плазмы в магнитном поле. (По этому поводу его опять раскритиковал Ландау, сказав: «Шура, ну где ты видел плазму, да еще и в магнитном поле».) Дальнейшее развитие науки подтвердило гениальную проницательность Ахиезера в этом вопросе. Вместе с Л. Паргамаником АИ предсказал явление электронного циклотронного резонанса, вместе с Я. Файнбергом – явление пучковой неустойчивости плазмы, вместе с А. Ситенко – эффект расщепления дейтрона и построил его теорию. За цикл работ «Высокочастотные релаксационные процессы в магнетиках» ученому в 1978 году была присуждена премия АН УССР им. К. Синельникова; в 1986 году Государственная премия СССР – за цикл работ «Открытие и исследование динамических явлений, связанных с фоновыми взаимодействиями в магнитных кристаллах». В 1995 году Александру Ильичу вручили премию им. Н. Боголюбова НАН Украины за работу «Квантовые и стохастические эволюционные системы в теории возмущений», через пять лет – премия им. А. Давыдова НАН Украины за «Взаимодействие частиц высокой энергии с атомными ядрами и кристаллами».

Но это далеко не все темы, интересовавшие АИ. Отчасти широкий спектр вопросов, которыми занимался и которые глубоко понимал Ахиезер, освещает список его книг. Среди них есть истинные шедевры научной литературы, не устаревшие и до сих пор, а в свое время ставшие незаменимыми, настольными для студентов и опытных физиков. О работе «Некоторые вопросы теории ядра» речь уже шла, как и о «Механике и молекулярной физике». В 1953 году была издана «Квантовая электродинамика», написанная в соавторстве с В. Берестецким. Это была первая монография, систематически обобщившая опыт мировой науки, накопленный в этой области. Она была переведена на множество языков, не раз переиздавалась. Кроме того, АИ в соавторстве с учениками и коллегами издал книги: «Спиновые волны», «Электродинамика плазмы», «Биография элементарных частиц», «Электромагнетизм и электромагнитные волны», «Электродинамика ядер», «Теория фундаментальных взаимодействий», «От квантов света до цветных кварков». Ахиезер исключительно скрупулезно, доводя порой до бешенства своих соавторов, относился к написанию книг и статей, он проверял и еще раз проверял каждое предложение, менял, переписывал сначала, добивался наиболее точных и понятных формулировок. Кстати, не менее тщательно он работал над любыми научными вычислениями и анализом. Если что-то не выходило, он предлагал вернуться в самое начало, «порвать формуляр» (так он называл необходимый набор основных формул, требуемых для той или иной работы) и сесть писать и считать заново.

Во второй половине 50-х годов Ахиезер уже был признанным корифеем советской науки, в 1954 году ему был вручен орден «Знак Почета». Впоследствии он стал дважды кавалером ордена Трудового Красного Знамени, заслуженным деятелем науки УССР, кавалером двух знаков отличия Президента Украины. В 1964 году Александр Ахиезер был избран действительным членом Академии наук УССР. Надо сказать, карьеризмом Александр Ильич никогда не отличался. Когда в 1956 году его назначили заместителем директора ХФТИ по науке, он недоумевал: «Зачем это мне?» и пробыл на этом посту всего три года. Важный штрих к общему

⁷ Ласло Тисса рассказывал, что, когда Померанчук и Ахиезер отдали свою рукопись машинистке, она воскликнула: «До чего же додумались!»

портрету – все сотрудники АИ признают, что он никогда не пытался обязательно вписать себя в соавторы открытия или статьи, не выезжал на шеях студентов и аспирантов. И это при том, что он подбрасывал потрясающие идеи, помогал делать сложнейшие вычисления. Когда однажды, уже в старости, Ахиезер писал сам о себе статью в одну из энциклопедий, он указал, что является автором более 100 научных работ. Когда редактор воскликнул: «У Вас же их более двухсот!», АИ ответил: «Нет, более двухсот – это неприлично, напишем – более ста».

Александр Ильич Ахиезер интересовался не только физикой. Впервые, его в принципе интересовали любые достижения естественных наук – будь-то биология или астрономия (последняя особенно привлекала ученого). АИ хорошо знал русскую и зарубежную классическую литературу. Особенно почтительно относился к Пушкину, Булгакову, Гете. Любил и классическую музыку. Александр Ильич с удовольствием читал историческую, мемуарную литературу. В кабинете физика кроме портретов сына и Ландау стоял бюст Наполеона. К концу жизни он с особым вниманием стал относиться к вопросам философии, религии и политики. Что касается политики, то ученый тяжело переживал то положение, в котором оказался его родной институт, упадок науки в стране. Он резко осуждал Горбачева, Ельцина и многих украинских правителей, постоянно крутил ручку радиоприемника, слушая «Свободу» и Би-би-си, вступал в горячие споры. При этом Ахиезер продолжал настойчиво искать пути для выхода из кризиса, например, добился утверждения двух «денежных» международных проектов.

Об интересе к философии и религии надо сказать особо. Постепенно АИ вплотную занялся вопросами развития человеческой мысли, основами основ. Тут-то и понадобилось разобраться в религиозных представлениях общества. АИ все чаще говорил о Боге, находил общие черты в математическом символизме и символизме религиозных текстов, видел общность в идее Высшего разума и вере в Науку. На вопрос, верит ли он в Бога, Ахиезер отвечал, что для себя этот вопрос еще не решил. Зато совершенно точно можно сказать, что особым уважением выдающегося физика пользовался иудаизм, как первая монотеистическая религия в мире. В гостях у АИ бывал даже главный раввин Харькова Москович, с которым Ахиезер долго беседовал на интересующие его темы. В связи с такими своими размышлениями Александр Ильич в соавторстве с двумя коллегами пишет статью о Ньюtone и его пресловутом мистицизме, о котором в советской науке принято было говорить скептически или вообще не говорить. АИ утверждал, что он приблизился к пониманию истинного значения этого увлечения своего великого предшественника. Биографии ученых вообще всегда интересовали Ахиезера. На своих лекциях и в некоторых статьях он увлекательно рассказывал об Эйнштейне, Планке, Боре, считая, что жизнь человека нельзя оторвать от его научной деятельности, если мы хотим осознать все величие человека, все значение его достижений. Последней большой книгой харьковского физика стала «Развивающаяся физическая картина мира» – историко-физико-философское произведение, раскрывающее перед читателем торжественно-величавую историю осознания человеком природы.

В отличие от своего обожяемого учителя Александр Ильич был вполне домашним, семейным человеком. В 1938 году у него и его супруги – Софьи Исааковны родился сын Илья (Лека). В 47-м появилась на свет дочь Зоя, через семь лет – еще одна дочь, Татьяна. Илья Ахиезер пошел по стопам отца – стал физиком-теоретиком. Друзья вспоминают его как исключительно талантливого ученого, настоящего интеллигента, говорившего на нескольких иностранных языках (в отличие от самого АИ), любившего и знавшего музыку и литературу. Зоя Александровна говорит, что отец и сын постоянно разговаривали о науке, случайно зашедшие в дом люди не могли понять, почему Ахиезеры все время ругаются. Женщинам приходилось потихоньку объяснять, что это не ругань, а научный спор. Илья Александрович вместе с отцом писал книги и статьи, преподавал в университете. Александр Ильич с большим усердием воспитывал трех внуков, дожил и до правнуков и правнучек. Обладая унаследованной от отца врачебной интуицией, АИ сам занимался вопросами лечения детей. Вообще, родные вспоми-

нают, что за Александром Ильичем вся семья долгие годы чувствовала себя как за каменной стеной.

К несчастью, Илья Ахиезер был довольно болезненным человеком. В детстве его один раз удалось спасти. АИ, когда все уже опустили руки, повез сына в Москву, воспользовался своими связями, положил Илью в хорошую больницу. Но в 1989 году, когда Илье Александровичу был всего 51 год, он умер. Смерть сына стала для Александра Ахиезера очень тяжелым ударом. Он не раз еще повторял, что если бы Илья был жив, они бы с ним еще много сделали... В середине 80-х болезнь начала одолевать самого АИ. Он постепенно терял зрение. После ряда операций в середине 90-х физик окончательно ослеп. В последние годы его жизни главным человеком в его окружении, няней и секретарем стала дочь Зоя Александровна Спольник. Она заменила ему глаза – читала научные и художественные книги, записывала диктуемые АИ статьи, водила гулять. Ахиезер и будучи абсолютно слеп, поражал своей памятью, умением четко выстроить в голове, разложить по полочкам текст любого труда – будь-то биографическая статья, наполненный формулами трактат или философские размышления.

В это время ученики сполна отплатили Ахиезеру за его многолетнюю заботу. Когда Александр Ильич уже не мог сам передвигаться и потерял зрение, десятки людей заходили в 20-й дом по улице Чайковского, обсуждали с ним проблемы науки, философии, политики, читали книги, пытались как-то помочь по хозяйству. Главным местом пребывания Ахиезера стало кожаное кресло у телефона, и ему звонили и звонили по самым разным поводам – не только для проформы. Уходя Зоя Александровна оставляла входную дверь в квартиру приоткрытой. Во дворе дома коллеги соорудили специальную скамейку, на которой вечерами устраивались «Ахиезеровские посиделки», в которых кроме самого главного героя и его сверстников участвовали и молодые ученые.

Александра Ильича Ахиезера не стало 4 мая 2000 года. Институту теоретической физики в составе НИЦ «ХФТИ» присвоили его имя. В 2002 году Александру Ильичу Ахиезеру была присуждена еще одна Государственная премия Украины за цикл работ, название которого столь же длинно и насыщено, как и вся жизнь выдающегося ученого. Один из его бывших сотрудников недавно пожаловался Зое Александровне Спольник: «Если бы вы знали, как нам не хватает АИ. Он все моментально схватывал, отбирал главное и только говорил: «Давай, пиши, что я говорю». И на то, что у нас с АИ уходил день, сейчас мы тратим недели».

Багале́й Дми́трий Ива́нович

(род. в 1857 г. – ум. в 1932 г.)

«Главный» историк Харькова и Слободского края.

Добрая половина того, что мы сейчас знаем об истории Харькова до начала прошлого века, того, что уже является общим местом для младших школьников города, была в свое время доказана, найдена, исследована Дмитрием Ивановичем Багалеем – выдающимся харьковским историком. Здесь слово «харьковский» означает и место работы ученого, и круг его научных интересов. Огромный фактический материал, огромная любовь к Слобожанщине и ее главному центру, огромные заслуги перед Харьковом... Все здесь в превосходной степени, и все уместно.

В это трудно поверить, но человек, влюбленный в Слобожанщину, главный харьковский краевед родился в Киеве и окончательно переехал в Харьков лишь спустя четверть века. Дмитрий Иванович родился 26 октября (7 ноября) 1857 года в Киеве в семье ремесленника. Семья довольно прочно стояла на ногах в финансовом отношении, и Дмитрий имел возможность получить вполне пристойное образование. Он выбрал для себя профессию историка, достигнув соответствующего возраста, поступил на историко-филологический факультет Киевского университета.

Багале́й отличался либеральными, а в молодости – даже радикальными взглядами на политику и общественное устройство, более того, был сторонником автономии Украины. Многие он перенял у одного из виднейших украинских историков Антоновича и, вероятно, почерпнул у другого корифея науки – Костомарова. Последний, как известно, был в свое время членом Кирилло-Мефодиевского братства, в своих трудах отстаивал идею федеративного устройства славянской державы, подчеркивал отличия украинского этноса от российского (заклучавшегося, в частности, в отсутствии тяги к сильной центральной власти). В Киеве Дмитрий Багале́й вступил даже в патриотическую молодежную организацию «Кош». В 1876 году за участие в студенческом движении Багале́й был исключен из Киевского университета.

Тогда-то он полгода провел в Харькове, где продолжил обучение также на историко-филологическом факультете, затем вернулся в Киев.

По окончании университета Дмитрий Иванович был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Научные интересы Дмитрия Багалея определялись его общественными взглядами, интересом к родному краю. Первой его серьезной работой стала монография «История Северской земли до половины XIV в.». Работа была оценена по достоинству, и вскоре после ее издания в 1883 году Багалея приглашается на кафедру русской истории в Харьковский университет. Материал, который читал в Харькове доцент Багалея (очень скоро он стал профессором, а с 1908 года был почетным профессором), он опубликовал уже в 1883?1884 годах под названием «Курс древнерусской истории до половины XIV в.». Вся его дальнейшая научная деятельность была связана с южными, степными окраинами России, историей Украины, Белоруссии и Великого княжества Литовского, Слобожанщиной, Харьковом. В 1887 году в Москве он защищает докторскую диссертацию, за монографию «Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства» харьковский историк получает почетный отзыв Академии наук, впоследствии он дважды становился обладателем престижной премии Уварова. Среди его лучших работ «Магдебургское право в левобережной Малороссии», «Колонизация Новороссийского края», «Новый историк Малороссии», «К истории учений о быте древних славян», «Украинская старина». Дмитрий Иванович стал активно заниматься тем, чем сейчас занимается добрая половина всех харьковских историков, – краеведением, исследованием местных архивных материалов, историографией (историей изучения тех или иных вопросов в исторической науке).

Так, например, в архивном деле заслуги Багалея трудно переоценить. Он обнаружил в рукописном отделении Румянцевского музея в Петербурге и исследовал новые документы, касающиеся жизни и творчества Сковороды и посвятил ему свои работы. В Полтаве ученый открыл часть архива Малороссийской коллегии и Румянцевской описи Малороссии. В селе Бабаи Багалея открыл фамильный архив Донец-Захаржевских, Щербининых и Кропоткиных. С 1883 года Дмитрий Иванович заведовал Харьковским историческим архивом, он организовал в нем три новых отдела – полтавский, харьковский и бумаг местных деятелей; положил начало его справочной библиотеке.

Немало внимания Багалея, как ученый, привыкший работать с точными данными, проверенными источниками, уделял и археологии. Он вел раскопки курганов в Салтове, Янковке и Алексеевке, был одним из главных организаторов археологических съездов, самым серьезным образом повлиявшим на развитие этой науки в нашей стране. Дмитрий Иванович составил археологическую карту Харьковской губернии.

В отношении книг Багалея о Харькове и Слобожанщине можно говорить очень долго. Многие гипотезы о происхождении названий, истории возникновения и развития Харькова и других городов принадлежат именно Дмитрию Ивановичу, и многие так и не смогли опровергнуть последующие исследователи. Багалея ввел в научный оборот огромное количество документов, кропотливо изучал статистику, переписку, ведомственные документы и воспоминания. Его книги наполнены самыми мелкими подробностями. Главным его трудом по истории Харькова стала приуроченная к юбилею⁸ «История города Харькова за 250 лет его существования». На эту работу в 1896 году харьковские власти выделили ученому тысячу двести рублей в год. (Простой рабочий, пишут историки, в это время получал не больше пятнадцати рублей в месяц.) За работу Дмитрий Иванович взялся вместе со своим любимым учеником Дмитрием Миллером. Первый том появился в 1905 году, второй – в 1911. Этот объемный труд до сих пор является гордостью харьковских историков, ведь на то время проект для нестоличного города был беспрецедентным. Собственно, эти два тома и сейчас не потеряли актуальности,

⁸ Считается, что Харьков был основан в 1654 году.

появляются все новые их переиздания. Ценность труда, в частности, как раз в том, насколько аккуратен, беспристрастен Багале́й. В ходе своей научной карьеры он пришел к выводу (хотя и спорному), что историк не должен разрабатывать теорий, должен воздерживаться от личных оценок, его задача – поиск, исследование, издание, сохранение источников, накопление материала. Так или иначе, сейчас книги Багалея сами по себе являются историческими источниками.

Дмитрий Иванович был первым крупным исследователем истории Харьковского университета (сейчас это тоже важная часть работы историков сего вуза). «Опыт истории Харьковского университета» вышел в двух томах в 1898 и 1904 годах. Вместе с другими видными харьковскими учеными Бузескулом и Сумцовым Багале́й издал и «Краткую историю Харьковского университета». Дмитрий Иванович был главным редактором университетских юбилейных изданий (например «Биографического словаря»).

Главной же работой Багалея многие справедливо считают книгу, вышедшую в неспокойном 1918 году. Это «Історія Слобідської України» на украинском языке. Работа включает в себя важнейшие обзоры исторической географии и этнографии края, его социально-экономического и политического развития, историю духовной и материальной культуры, очерки быта населения. Написанная простым, понятным языком, книга эта стала пособием по внешкольному образованию и самообразованию (и до сих пор им остается – после распада Союза она была издана большими тиражами). Насыщенная богатым фольклорно-этнографическим, иллюстративным материалом, она для многих в те далекие годы стала даже первым учебником по украинскому языку.

Дмитрий Иванович Багале́й был довольно заметной личностью в городе, он активно участвовал в общественно-политической жизни города, занимал высокие посты, в его доме бывали известные харьковчане и «гости нашего города». Немного об этой стороне деятельности ученого, о его личной жизни.

Женился историк еще в Киеве на своей ровеснице, знакомой по организации «Кош» Марии Васильевне Александрович. Супруги имели четырех детей – все они родились в Харькове. Это Наталья, Ольга, Мария и Александр. К несчастью, сын умер в трехлетнем возрасте (в 1894 году), Мария, родившаяся в 1899, погибла в 1920 году.

В Харькове семья снимала сначала маленькую квартирку, затем их приютил Александр Потеня (крупнейший филолог). Когда Багалею сделали заказ на «Историю Харькова», он нашел возможность приобрести собственный дом. Точнее, не приобрести, а построить. Дом Багалея расположился на Технологической улице (сейчас ул. Фрунзе). Профессор жил на втором этаже, первый сдавал помещику, приезжавшему время от времени из своего имения. После революции, наоборот, ученый оказался на первом этаже, а на втором разместилась кафедра истории культуры Украины.

Багале́й был семейным человеком. Любопытно, что в своем доме супруги Багалеи, бывшие «кошовики», завели правило – говорить только по-украински. В гостях у них бывали Алчевские, Васильковский, Репин (он писал портрет ученого, советовался с ним по поводу своих знаменитых «Запорожцев»), Сумцов. Дмитрий Иванович дружил «домами» с выдающимся украинским драматургом Кропивницким, помогал тому устраивать представления. Главным увлечением Дмитрия Багалея (помимо истории, конечно) была рыбалка. В 1884 году историк бросил курить, а пить никогда и не пил.

Багале́й много трудился для развития исторической науки и просвещения вообще. Он был не только членом Харьковского историко-филологического общества, но активно работал и в Обществе распространения грамотности, 12 лет был председателем правления Харьковской общественной библиотеки, председателем комитета по изданию книг для народа (при непосредственном участии профессора были изданы книги тиражом более миллиона экземпляров). Осенью 1917 года по его настоянию в Харькове было открыто несколько украинских

гимназий, при городском коммерческом институте открылись постоянно действующие курсы украинского языка для учителей.

В 1906 году Дмитрий Иванович был избран ректором Харьковского университета, в 1909 году переизбран еще на одно трехлетие. Работу в университете Багалея совмещал с активной политической деятельностью, в которую окунулся после октябрьского манифеста 1905 года. Тогда начали появляться политические партии, началась выборная кампания. Дмитрий Иванович присоединился к одной из самых либеральных (и отчасти, даже радикальных) из влиятельных партий – партии кадетов. В ней Багалея занял далеко не последнее место. В начале 1906 года кадеты одержали убедительную победу на выборах в городскую думу. Багалея стал ее гласным. Более того, харьковский историк стал выборным представителем Академии наук и девяти российских университетов в Государственном Совете. (Им он был с апреля по июль 1906 года, а затем в 1910–1914 годах). Дмитрий Иванович активно отстаивал идею либерализма, необходимости конституции, более того – на встречах с избирателями в Харькове он говорил и о возможной автономии. В 1914 году Дмитрий Багалея стал городским головой, его заботой было благоустройство города – транспорт, электроэнергия, канализация, водопровод, дороги... На этом посту ученый оставался до революционного 1917 года, когда стало уже не до благоустройства. Багалея снова вернулся к просвещению и науке. Тогда-то и появилась первая книга в предполагаемом цикле культурно-исторической библиотеки – «История Слобожанской Украины». Дмитрий Иванович стал одним из активных участников организации Академии наук Украины при Скоропадском, главой историко-филологического ее отделения.

С советской властью Багалея бороться не собирался. К тому времени он уже совсем не хотел политики, слишком много всего произошло за последние годы. Кадеты, которые, казалось бы, только что считались самыми резкими, радикальными российскими политиками, оказались совершенно беспомощны у власти после февраля 1917 года, уступили место социал-демократам, но и те были сброшены большевиками. Белое движение представляло собой сборище совершенных антагонистов, ненавидящих друг друга, – конституционные демократы и монархисты, эсеры и октябристы. Еще недавно гордившиеся своей силой кадеты, среди которых было немало ученых, писателей, других представителей интеллигенции, теперь притихли, не находя в себе силы для вооруженной, ожесточенной борьбы с Советами. Дмитрий Иванович хотел только заниматься наукой. Вскоре он даже изменил свое отношение к новой власти, поскольку в Украине началась политика «коренизации».

В 20-30-х годах Багалея преподавал в Полтавском и Харьковском институтах народного образования. Он возглавил созданные в Харькове (не без его, конечно, участия) научно-исследовательскую кафедру истории Украины, институт истории украинской культуры, институт исследования творчества Тараса Шевченко, Центральное архивное управление УССР. Багалея называют одним из создателей высшей школы в Советской Украине, дважды он избирался председателем Бюро секции научных работников Украины. Дмитрий Иванович был академиком Академии наук УССР.

Дмитрий Иванович Багалея умер 9 февраля 1932 года. Похоронили его на Городском кладбище. После закрытия кладбища прах его перенесли в почетный квартал кладбища № 13. Над могилой скромный памятник с лаконичной надписью. В доме Багалея до сих пор живет его правнучка Ольга. В свое время, в 1992 году на стене дома была установлена бронзовая мемориальная доска. Ее несколько раз пытались украсть, и Ольга Багалея сама засомневалась – не снять ли этот памятный знак до лучших времен, когда историю начнут уважать не только историки.

Барабашов Николай Павлович

(род. в 1894 г. – ум. в 1971 г.)

Выдающийся советский астроном, исследователь Луны и планет Солнечной системы.

Николаю Павловичу Барабашову повезло. Он дожил до того времени, когда его теоретические выводы подтвердились на практике. При его жизни человек вышел в космос, высадился на поверхности Луны. И вклад Барабашова в то, чтобы все это стало реальностью, очень велик.

В приветствии Астрономического совета АН СССР академику Н. П. Барабашову по случаю его 75-летия говорилось: «Вам дано было пережить редчайшую для астронома радость: подтверждение космическими станциями Ваших выводов, сделанных у телескопа, о строении лунной поверхности».

В отличие от многих героев этой книги, Барабашов всю жизнь был тесно связан с Харьковом. Он настоящий, без оговорок, харьковчанин.

Родился Николай Павлович 30 марта 1894 года в довольно известной в городе семье. Отец его был врачом-окулистом, профессором, руководил глазной клиникой и кафедрой Харьковского университета. Мать была музыкантшей, но по специальности не работала, а занималась домашним хозяйством и воспитанием детей. (Их у нее было четверо.) Любовь к музыке она привила и будущему астроному. Николай Павлович играл на скрипке и фортепиано. Коля Барабашов учился в престижной 1-й Харьковской гимназии, много читал. В свое время ему в руки попала популяризаторская книга французского ученого К. Фламариона «Живописная астрономия», и мальчик стал проявлять большой интерес к изучению планет и звезд. Вскоре Коле подарили подзорную трубу, через которую он мог хорошо разглядеть Луну и Венеру, кольца Сатурна, спутники Юпитера. Николай увлекался и фотографией – он совместил два своих увлечения и стал фотографировать Луну. На чердаке дома на Змиевской улице (сейчас проспект Гагарина) Барабашов устроил домашнюю обсерваторию.

Уже в 15 лет молодой астроном опубликовал во французском и русском журналах свои первые статьи о наблюдении солнечных пятен, Марса и Венеры. На эти публикации обратил внимание К. Э. Циолковский и написал автору из Калуги. Между пожилым ученым и гимназистом завязалась переписка.

Павел Барабашов поощрял научный энтузиазм сына и взял его с собой, когда поехал в научную командировку в Париж. Там Николая Барабашова познакомили с Фламмарионом. Француз подарил юноше свою книгу с автографом: «Моему коллеге Н. Барабашову от согражданина неба К. Фламмариона».

Николай Барабашов окончил гимназию с серебряной медалью в 1912 году. Встал вопрос о поступлении. Николай выбрал не Харьковский, а Юрьевский (Тартуский) университет, поскольку при этом университете была прекрасно оснащенная обсерватория. Барабашов был зачислен на физико-математический факультет. Но доучиться здесь Барабашову не удалось. Впервые проявилась болезнь, которая будет мучить ученого всю его жизнь, – туберкулез легких. С таким заболеванием лучше находиться не на севере, а на юге, и Барабашов возвратился в родной Харьков.

Свою учебу молодой астроном продолжил уже на физико-математическом факультете Харьковского университета. Здесь тоже работали видные астрономы: Струве, Евдокимов, Фесенков. В 1919 году Барабашов окончил университет и был оставлен при кафедре астрономии без права получать стипендию. Параллельно с работой на кафедре Барабашов преподавал в обычной школе, затем для него нашлась вакансия завхоза в штате обсерватории. Должность астронома-наблюдателя Барабашов получил лишь в 1922 году.

За четыре года до этого В. Г. Фесенков поставил перед своим дипломником Н. Барабашовым задачу – определить отражательную способность планеты Земля. Для этого необходимо было изучить, сколько света отражает Луна, освещенная солнечным излучением, отраженным в направлении Луны Землей (т. е. изучить «пепельный свет Луны»). Барабашов установил, что лунные «моря» имеют одинаковую яркость в полнолуние независимо от их положения на диске Луны и именно в полнолуние эта яркость достигает своего максимального значения. Николай Павлович в принципе правильно объяснил наблюдаемые особенности отражения света лунной поверхностью сильной ее изрытостью и шероховатостью.

Продолженные в последующем комплексные исследования оптических характеристик лунной поверхности привели астронома к заключению, что поверхность Луны сложена вулканическими породами базальтового типа, пористость которых достигает 60–70 %, а размер зерен колеблется от долей до нескольких миллиметров. Исследования лунной поверхности стали необычайно важны, когда встал вопрос о высадке аппаратов и человека на Луну. Долгое время многие ученые (а также фантасты, например Артур Кларк) полагали, что поверхность Луны покрыта многометровым слоем пыли, в которую может провалиться и космонавт и, тем более, любая соответствующая машина. Однако Барабашов убедительно доказал, что лунная порода, несмотря на свою пористость, обладает достаточной плотностью.

20-е годы – не лучшее время для занятий наукой. Страна переживала последствия Гражданской войны, не было простейших удобств – электроэнергии, воды? Не говоря уже о необходимом оборудовании, инструментах. А надо сказать, что Барабашов занимался не только наблюдениями, но всегда большое внимание уделял инструментам – сам шлифовал линзы, конструировал различные аппараты. Так, изготовленный им еще в студенческие годы рефлектор Барабашов в 1931 году передал обсерватории. В течение многих лет на нем проводились наблюдения Луны и планет.

В качестве завхоза, а затем – самого молодого астронома в обсерватории Николай Павлович проявлял огромную трудоспособность и изобретательность для обеспечения обсерватории всем необходимым, проводил в ее помещении многие часы. Вот лишь один эпизод из жизни астронома в то время.

В 1920 году в обсерваторию явился отряд красноармейцев. Командир объяснил молодому завхозу, что бойцы пришли прослушать лекцию об астрономии и посмотреть в телескоп. Барабашов сказал, что показывать нечего. «Прибор не действует, потому что его зеркало нужно покрыть серебром». «Серебра нет», – догадался командир. «Нет, серебро есть. Нет сахара, без которого это сделать невозможно». На следующий день красноармейцы притащили в обсерваторию мешок сахара. «Зачем столько? Мне хватило бы и нескольких десятков граммов», – удивился Барабашов. «Ничего, – ответил солдат. – Командир сказал: пусть делает свое зеркало и пьет чай».

В 1922 году на ремонт Астрономической обсерватории были выделены значительные средства, а Барабашов взялся за астрофизические исследования. Он исследует Солнце, переменные и новые звезды, наблюдает метеорные потоки и кометы. Но больше всего времени Барабашов проводит за наблюдением и изучением Луны и планет. В 1930 году он становится директором обсерватории. В 1933 году Николай Павлович возглавляет кафедру астрономии, а через три года по совокупности опубликованных научных работ Барабашову присваивают степень доктора физико-математических наук.

Интерес харьковского астронома прежде всего к Луне и планетам был обусловлен не только его личными пристрастиями, но и объективными обстоятельствами. Эти яркие объекты были доступны для исследований в не самой обеспеченной средствами (в первую очередь приборами) и расположенной не в лучшем месте университетской обсерватории. Метод изучения был также подобран исходя из имеющихся возможностей – фотографическая фотометрия. Харьковский астрономы под руководством Барабашова получали ряды наблюдений в разных участках видимой части спектра, это позволяло изучить зависимости яркости поверхностей от условий наблюдения, сопоставить их с лабораторными аналогами, перейти к физическим свойствам поверхностей и атмосфер планет.

Уже в довоенные годы были сформированы довольно правильные представления о лунной поверхности. Была также установлена природа полярных шапок на Марсе, выяснена величина атмосферного давления на этой планете, толщина надоблачной атмосферы Юпитера, проведены серьезные и результативные исследования колец Сатурна. Тогда же Николай Павлович занимается исследованиями Солнца, начинает свою работу Служба Солнца астрономической обсерватории ХГУ. В 1935 году под руководством Барабашова конструируется уникальный прибор для наблюдений Солнца – спектрогелиограф. В 1941 году Н. П. Барабашову было присвоено звание заслуженного деятеля науки Украины.

Барабашов не устает ставить перед руководством университета, областными и республиканскими властями вопрос о создании новой наблюдательной базы обсерватории за Харьковом. В Ленинграде велись переговоры об изготовлении специально для этой базы нового мощного телескопа. Наконец, Народный комиссариат просвещения Украины выделил соответствующие средства, был выбран холм для филиала Харьковской обсерватории. Но строительство не началось. Началась война.

Университет был эвакуирован. В Кзыл-Орде на базе Киевского и Харьковского университетов был создан Объединенный Украинский университет, кафедру астрономии и теоретической механики которого возглавил Барабашов. После возвращения в Харьков в 1943 году Николай Павлович был назначен ректором ХГУ. Опять астроному пришлось заниматься хозяйственной деятельностью, причем в больших масштабах – речь шла не только о восстановлении разграбленной Астрономической обсерватории, но о восстановлении всего университета. Барабашов оставался ректором до мая 1945 года, когда его свалил очередной приступ болезни.

Страна быстро восстанавливалась, выходила на новые рубежи советская наука. Вскоре стало ясно, что СССР готов бросить значительные силы и средства на изучение космоса, астрономия стала модной наукой. В 1948 году Академия наук Украины избрала Барабашова

своим действительным членом. В 1949 году он выступил с предложением создать Комиссию по физике планет при Астросовете Академии наук СССР. Сам харьковчанин и возглавил эту комиссию. Разносторонняя деятельность этого учреждения сыграла громадную роль в том рывке, который был сделан в советской астрономии и космонавтике в 50-60-х годах.

Свой расцвет переживала Харьковская обсерватория. На основе фотографий, полученных с борта АМС «Луна-3», совместными усилиями Харьковской и ряда других обсерваторий был создан первый «Атлас обратной стороны Луны», одним из авторов и редакторов которого был, естественно, сам Барабашов. Харьковские астрономы принимали участие в подготовке и обработке результатов практически всех советских экспериментов по изучению Луны, Марса, Венеры и кометы Галлея средствами ракетно-космической техники. Харьковские астрономы принимали активное участие в выборе на Луне мест для посадки космических аппаратов и разработали карту глубин лунной пыли – поверхностного слоя реголита.

Результаты исследований Луны и планет Барабашов изложил в своих многочисленных трудах. Список его работ включает свыше 500 научных статей, монографий, учебных пособий, научно-популярных брошюр и статей. Особенно большую роль в развитии науки сыграла монография «Исследование физических условий на Луне и планетах», которая была опубликована в 1952 году. Работы Барабашова были хорошо известны и за рубежом (не все, конечно, – ведь Советский Союз не спешил делиться своими достижениями в области космических исследований).

В 60-х годах усилиями Николая Павловича наконец была создана загородная Чугуевская наблюдательная станция Харьковской обсерватории. С подачи Барабашова в Харькове был открыт планетарий. В 60-х он продолжает и педагогическую деятельность. Под его руководством в Харькове была создана своя астрономическая школа, многие ученики Барабашова стали виднейшими астрономами и сегодня продолжают свою работу в странах СНГ. Барабашов был награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени. В 1969 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

У Николая Павловича были разносторонние интересы – кроме фотографии, увлекался он и кинолюбительством. По примеру Льва Термена, создавшего «терменвокс», Барабашов сам сконструировал и изготовил электромузыкальный инструмент. В последние годы своей жизни, измученный болезнью, Барабашов работал дома. Аспиранты и студенты с благодарностью вспоминают о гостеприимстве хозяек дома – жене ученого Вере Арсеньевне и его дочери Валентине Николаевне. Николай Павлович умер 29 апреля 1971 года.

В 1987 году Академия наук Украины учредила премию имени Академика Н. П. Барабашова за выдающиеся работы в области астрономии и экспериментальной физики. Астрономическая обсерватория Харьковского университета преобразована в Научно-исследовательский институт астрономии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина.

Любой видный астроном сейчас имеет прекрасную возможность остаться на картах звездного неба. Можно найти там и Барабашова. Его именем назван один из кратеров на поверхности Марса и малая планета 2883. Но в Харькове его фамилия известна практически всем. И не потому, что в нашем городе как-то особенно относятся к астрономии вообще и Луне в частности. Дело в том, что именем выдающегося ученого названа улица и станция метрополитена, возле которой расположен крупнейший вещевой рынок. В наше смутное время рынок дал работу десяткам тысяч людей, которые из инженеров, учителей, квалифицированных рабочих, студентов превратились в торговцев. Слово «Барабашка» с уважением произносят даже на знаменитом Одесском «7-м километре». В Харькове же многие представители интеллигенции недовольны таким пренебрежительным отношением к памяти крупного ученого. Недавно станцию метро переименовали из просто «Барабашова» в «Академика Барабашова». Вряд ли

после этого из лексикона харьковских жителей исчезнет слово «Барабашка». А может, это и есть истинное бессмертие?

Бахчанян Вагрич Акопович

(род. в 1938 г.)

Художник, литератор, нонконформист.

Автор каламбуров, классик соцарта.

Был такой анекдот из серии «Армянское радио»: «Пенсионер Иванов из Вологды спрашивает у нас, откуда происходят анекдоты. Этим же интересуется товарищ Андропов из Москвы». Действительно, откуда? И не только анекдоты, а и просто шутки, вроде «Бей баклуши – спасай Россию» или знаменитого «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью». Народное творчество? Как бы не так! Есть конкретные авторы, которые забыты в ходе передачи их творений из уст в уста. Одним из таких авторов (в том числе указанных фраз) является харьковчанин Вагрич Бахчанян.

Вагрич Акопович родился 23 мая 1938 года в Харькове. Отец – Акоп Бахчанян был в свое время персидским подданным, писал стихи и рисовал. Так что маленький тигр (Вагрич переводится как тигр) унаследовал любовь к живописи от отца. Семья Бахчанянов пережила оккупацию в Харькове. Известна история о том, как Вагрич взобрался на немецкий танк, а солдаты повесили ему на шею круг колбасы – так и ехал. Затем мальчик обменял колбасу на цветные карандаши.

В школу Бахчанян отправился в 1945 году. Рисованием он занимался в кружке под руководством художника кукольного театра Щеглова. По окончании школы Вагрич не поступил в вуз, а в 1957 году был призван в армию, служил три года. В начале 60-х Бахчанян уже работает карикатуристом, его картинки появляются на страницах местного «Красного знамени». Карикатуры Вагрича отличались особой остротой, прозрачными намеками.

В это время Бахчанян уже входит в знаменитый андеграундный харьковский кружок нонконформистов. Среди его ближайших друзей – Савенко, Милославский и другие. Вагрич среди них был главным острословом, а поступки первых советских авангардистов, как мы знаем, граничили с хулиганством. Можно себе представить, насколько «прибацанным» (выра-

жение сестры Вагрича Акоповича) было поведение Баха, как его называли друзья, если Эдуарда Савенко он называл «маменькиным сынком». Кстати, именно Бах придумал для Савенко псевдоним. Молодые неформалы восхищались декадентами Серебряного века, вэтаким декадентском стиле вышел и псевдоним – Лимонов. «Да и бледный он был, как лимон», – вспоминает Вагрич Акопович.

Бах, как и Лимонов, пробовал себя в авангардной литературе. Так, его пьеса «Кто это накакал» была разыграна на квартире одной из героинь произведения, да и остальные персонажи – это реальные члены нонконформистского кружка. А кроме того, у Баха был особый талант сочинять каламбуры, оксюмороны (сочетание несочетаемого), афоризмы. «Полтора-два стаканчика – и ты в самом лучшем состоянии, чтобы заниматься словотворчеством». В коротких фразах обычный штампа начинал звучать по-новому и сам становился соавтором максимы. Генис называл этот жанр свихнувшимися идиомами. Например: высшая мера поощрения, лестничный марш Дунаевского, могильная электрическая плитка шоколада, жилплощадь Восстания, наставлять рога на путь истинный, гордиев санузел. Любил Бах путем изменения одной буквы, вставки неожиданного пробела дать новое звучание старым словам – наиболее цитируемым стало словечко – SOSреализм. (Не любил Вагрич Акопович соцреализма.) Способы сочинения таких вот слов и словосочетаний соответствуют и бахчаняновской манере рисовать. Недаром именно ему приписывают изобретение советского коллажа – где главным инструментом становилась не кисть, а ножницы; Бахчаняна называют художником, который не рисует?

Танк, совмещенный с чайником; Ленин в чуть-чуть сдвинутой на затылок кепке – такой себе урка; люди, играющие в крестики-нолики распятиями, и т. д. Конечно, не все это шло в печать. Но в Харькове все равно появилась разгромная статья-фельетон, направленная против абстракционистов, «Таланты без поклонников», где упомянули, конечно, и Вагрича Акоповича, и ему пришлось уехать в Москву.

В Москве Бахчанян быстро нашел единомышленников и друзей. Остроумного харьковского армянина с удовольствием приглашали на разные посиделки. Его с женой даже сняли в художественном фильме «Кража». В 1966 году его пригласили работать в отдел юмора «Литературной газеты». На знаменитой «16-й полосе» Вагрич был одним из основных иллюстраторов. Он и сейчас с теплотой вспоминает атмосферу, сложившуюся в коллективе, делавшем полосу. Говорит, что в Америке уже нигде он не чувствовал себя настолько в ударе. Недаром часть гонораров за свои картины и книги Бахчанян перечислял после распада Союза в «Литературку».

Коллажи Вагрича Акоповича печатали также в «Знании?силе», «Юности». В начале 70-х годов Бах становится постоянным участником международных выставок карикатуристов (большинство из них проходили за пределами СССР). А в 1974 году авангардист решил покинуть страну. Уехал он не из-за гонений властей, а из-за нерешенного квартирного вопроса.

Новым пристанищем Бахчаняна стали Соединенные Штаты. Конкретно – Нью-Йорк. Здесь уже жило и работало достаточно представителей советской литературной и художественной богемы. Бахчанян же быстро стал любимцем, центральной фигурой, легендой русскоязычной эмиграции. Он сотрудничает с Довлатовым в газете «Новый американец», о чем сохранилось немало рассказов самого Довлатова, затем вместе с Генисом и Вайлем делает журнал «7 дней», где его коллажи печатаются разворотами.

Бахчанян не стал американцем. Многие признают, что он остался точно таким, каким и был. Журналист, общавшийся с художником по поводу его юбилея, застал его ловящим караса на крючок в Центральном парке Нью-Йорка. Да и сам Бахчанян говорит, что не смог вписаться в американскую культуру, включить местные реалии в свое творчество. «Мои каламбуры о советской жизни были основаны на том, что я знаю, все эти канцеляризмы и лозунги существовали у меня на уровне подкорки, а здесь?» Сложно с игрой слов на английском языке.

Но Вагрич Акопович нашел себе применение. Продолжал выдавать афоризмы: широкополовая шляпа, медный всадник безголовы, дурная слава КПСС, дамская комбинация из трех пальцев. Кстати, один из самых известных анекдотов о нем основан именно на американских событиях. На светской вечеринке русские эмигранты обсуждали своих детей. В частности, родителей волновало то, что дети отрываются от русской культуры. «Как же можно жить без Достоевского?!» – воскликнула одна дама, на что Бахчанян спокойно ответил: «Пушкин жил, и ничего». Анекдоты Вагрича Акоповича разлетались все с той же скоростью. Однажды его встретил Шапов (бывший муж одной из жен Лимонова) и сказал: «Вагрич, я недавно слышал анекдот. Тебе понравится, он в твоём стиле: встречает как-то Ван Гог Бетховена и спрашивает: «В каком ухе у меня звенит?». «Это не только в моём стиле, это я и сочинил», – ответил Бахчанян. Кстати, он, регулярно подшучивая над знакомыми, сам не любил оказываться жертвой. Так что Довлатову пришлось стереть надпись под карикатурой, на которой был изображен повешенный человек «Бахчанян на проводе». А Вагрич Акопович, в свою очередь, рассказывает, что побаивался Довлатова: «Он всегда говорил так, как будто это сейчас пойдет в печать. Никогда не был косноязычен».

Конечно, не оставил в Нью-Йорке Бах и рисования. Читал лекции в академии изящных искусств. Появилось еще немало карикатур и коллажей. Стиль, в котором работает художник, называют соцартом. Каждый день на сайте www.usgor.com появляются его картинки. Бахчанян работает, даже когда говорит по телефону, пытаясь доказать, что разговоры эти нельзя считать потерянным временем. Он рисует нечто, что ассоциируется у него именно с данной беседой.

В США Вагричем был проведен и ряд авангардных литературных опытов. В 1980-е годы пять его книг были изданы в Париже. В 2000-м он получил премию русской эмиграции «Liberty».

Дома у Бахчаняна стоит 12-томное собрание сочинений: «Сын Полкан», «Праща-оружие», «Пиковая дама с собачкой», «Отцы и дети капитана Гранта», «Сорочинская ярмарка тщеславия», «Трое в лодке, не считая собаки Баскервильей», «Женитьба балзамированного», «Серапионовы братья Карамазовы», «Репортаж с петлей и Анной на шее», «Нецензурное слово о полку Игореве», «Витязь в тигровой шкуре неубитого медведя», «Тихий Дон Кихот». Открыть книги нельзя – они намертво впечатаны в пластик. Как-то Бахчанян подарил другу свою книгу «Совершенно секретно». На книге висел амбарный замок, а ключ обладатель книги получил лишь через месяц. В трилогии, выпущенной в 1986 году Синявскими: «Ни дня без строчки», «Синьяк под глазом» и «Стихи разных лет» очень любопытна последняя книга. В ней собраны без подписей стихи знаменитых русских поэтов – от Крылова до Лермонтова без каких-либо комментариев и изменений. «Это не плагиат, – утверждает Бахчанян, – ведь все знают, что «Слона и Моську» написал не Бахчанян, а Крылов. Это концепт». Нельзя по этому поводу не вспомнить известный рассказ Борхеса «Пьер Ренар – автор Дон Кихота», герой которого, пытаясь написать римэик книги Сервантеса, постепенно приходит к совершенно идентичному с оригиналом тексту. Но его Дон Кихот – это??? Дон Кихот, – зная биографию, манеру, взгляды Ренара, читатель по-другому воспринимает и Дон Кихота.

Как и у великого аргентинского писателя, у Бахчаняна масса экспериментов. Только если Борхес, как правило, описывает появление самой идеи, людей, которые могли бы так сделать, то Вагрич и есть такой человек. В одной из его пьес у каждого из 104 персонажей всего одна реплика:

- *Герострат*: Всем лучшим во мне я обязан книгам
- *Венера Милосская*: Мойте руки перед едой
- *Дон Жуан*: Уходя, гасите свет
- *Вильгельм Телль*: Не стой под стрелой
- *Ньютон*: Яблоко от яблони далеко не падает
- *Дальтон*: Все стало вокруг голубым и коричневым

- *Мюнхгаузен*: Правда глаза колет
- *Сизиф*: Кончил дело – гуляй смело.

В другой – «Чайка-буревестник» – текст Горького, а персонажи Чехова. В третьей книге: «Повесть о том, как поссорились Александр Исаевич с Иваном Денисовичем» в гоголевском тексте заменены имена и отчества. До сих пор не опубликована книга Бахчаняна, которая звучит так: «Суета сует и всяческая суета сует и всяческая суета сует и всяческая суета сует?» и т. д. до самого конца. Известна, но тоже не вышла в свет пьеса с одной репликой. По сюжету, на Красной площади собирается взволнованная толпа. Из Мавзолея выходит человек в белом халате и устало говорит «Будет жить!»

В брошюре Бахчаняна Top Secret Art предлагается ознакомиться с подробным устройством советского танка. Дана инструкция на нескольких языках.

Андрей Синявский назвал Бахчаняна последним футуристом. Вагрич Акопович часто вспоминает слова Бродского о том, что в искусстве главное – величие замысла. Он с этим не согласен, полагая, что важно не столько что, сколько как, т. е. форму ставит во главу угла.

Сохранив хулиганский задор в своем творчестве, Бах уже не столь эксцентричен в жизни. С малознакомыми лаконичен, сдержан, гостеприимен, как и его жена Ирина.

В Москву Бахчанян приехал после 29-летнего перерыва в 2003 году на свою выставку «Ни дня без строчки» и презентацию выпущенной в уральском издательстве «У-фактория» книги «Мух уйма». В книге собраны самые разные «художества»: лозунги, приказы, пьесы, коллажи, анекдоты, меню, натюрморты, доклады, сказки, некрологи, мемуары и пр. и пр.

На вопрос, чего он не нашел в современной Москве, он отвечает: «Своих друзей молодыми». С Лимоновым он давно не поддерживает отношений. Ему не нравится, чем тот занимается. «Мне кажется, что если делать партию, то не так серьезно, – говорит Бахчанян. – Надо было на партийном знамени изобразить, например, Диогена на собаке». «Почему на собаке?» – удивляется корреспондент. «Потому что киники!»

Бахчанян говорит, что все искусство уже сделано, кроме скучного, которое уже маячит на горизонте. Но, наверное, пока Вагрич Акопович будет работать, он сможет обыденность и скуку сделать смешными.

Бекетов Алексей Николаевич

(род. в 1862 г. – ум. в 1941 г.)

Архитектор. Создатель ряда зданий, определяющих лицо Харькова.

Не потому ли в Харькове не установлен памятник самому, пожалуй, известному зодчему города, что монументальных напоминаний о его делах и так хватает. Что может служить лучшим памятником архитектору, чем сохранившиеся его творения! Здания, которые возводил представитель славной семьи Бекетовых, на много лет вперед определили облик Харькова. Поэтому Алексея Бекетова до сих пор называют в числе первых в списке выдающихся жителей города.

В отечественных энциклопедиях можно найти нескольких Бекетовых, являющихся не только однофамильцами, но и родственниками. Наиболее известными из них являются Николай Николаевич Бекетов⁹ – один из основоположников физической химии, много лет работавший в Харькове; его брат Андрей Николаевич – выдающийся российский ботаник, ректор Санкт-Петербургского университета; наконец, видный архитектор – Алексей Николаевич Бекетов, который практически всю свою жизнь провел именно в Харькове. Учился в столице, ездил за границу, работал по заказу в Баку и Донецке, отдыхал и возводил здания в Крыму, но неизменно возвращался в родной город и активно преображал его, делал красивее, внушительнее, ярче.

Родился Алексей Николаевич в 1862 году 3 марта по новому стилю, естественно, в Харькове, в семье уже упоминавшегося выше Николая Николаевича Бекетова. Здесь же будущий зодчий провел свои детские годы; учился в реальном училище, в знаменитой художественной школе Ивановой-Раевской. Алексей много читал, увлекался поэзией и рисованием. Уже тогда проявились наклонности Бекетова-младшего – рисуя, он особенно тщательно прорисовывал мелкие детали, орнаменты, геометрические формы. В городе Алексей подолгу проста-

⁹ Статья о нем есть и в данной книге.

ивал возле красивых домов, разглядывал их внешние украшения. В возрасте 20 лет Бекетов поступил на архитектурный факультет Петербургской академии художеств.

Не все в этом учебном заведении устраивало харьковского студента. Преподаватели в то время, как правило, ограничивались изложением основ, догм зодческого искусства – подробно рассматривали античную архитектуру, эпоху Ренессанса и классицизм. Все остальное Бекетову приходилось осваивать самому в библиотеке, в музее Академии. Уже к третьему курсу Алексей Николаевич, очевидно, опережал своих молодых коллег. В 1888 году он успешно защитил дипломный проект «Курзал на берегу моря» и окончил, таким образом, архитектурный факультет с золотой медалью. Несмотря на заманчивые перспективы, Бекетов решил покинуть столицу и вернуться в Харьков. «Я стоял возле сказочных дворцов и вспоминал узкие переулочки родного города, тесные и грязные, застроенные глиняными хатками улицы. И меня неудержимо потянуло в Харьков, захотелось отдать ему все свои способности», – вспоминал зодчий.

В Харькове он начал активную творческую работу. Первым большим достижением молодого специалиста стало возведение здания Коммерческого училища, на которое был объявлен конкурс местным купечеством. Алексей Николаевич выиграл его, но вскоре получил тысячу возможностей и поводов пожалеть об этом. Реальное воплощение даже самого лучшего проекта в жизнь наталкивалось на самые разные чисто отечественные неурядицы и препоны. Алексей Бекетов сам решил руководить строительством (взяв в помощники студента Технологического института) – приходилось выбивать деньги у самих заказчиков, преодолевать бюрократические проволочки и административные барьеры. Не то чтобы кто-то лично не любил или завидовал Бекетову, но в этой стране любое дело имело все шансы провалиться – особенно, если речь идет о строительстве. Не верите – вспомните ближайшую к вам новостройку и вспомните, когда там все начиналось.

Архитектор стал прорабом. Так он и совмещал эти должности всю свою жизнь. В 1893 году Коммерческое училище было, наконец, достроено. Оно стало настоящим украшением Немецкой улицы (теперь Пушкинская) и всего Харькова. Сейчас в этом здании находится Национальная юридическая академия им. Ярослава Мудрого.

По уставу Петербургской академии художеств, после трехлетней практики архитектор мог взять тему проекта для получения научной степени академика архитектуры. Алексей Николаевич выбрал тему «Библиотека на полтора миллиона томов с галереей выдающихся людей и нумизматическим залом». В 1894 году проект был представлен комиссии, получил отличную оценку, что принесло Бекетову звание академика архитектуры и, соответственно, действительное членство в Академии художеств.

Тем временем в Харькове появились новые заказы. Быстро развивающиеся капиталистические отношения не обошли стороной крупный украинский город. Географическое расположение Харькова, торговые традиции, заработанное университетскими, театральными, литературными поколениями положение культурного и научного центра открывали перед городом большие перспективы в новом мире. Уже по всей Украине был известен предприниматель и меценат Алексей Кириллович Алчевский. Фундаментом его бизнеса стала деятельность финансовая. Харьков нуждался в современных банковских сооружениях, работать с деньгами надо было в новых помещениях. Эта задача и стала перед самым многообещающим и модным харьковским зодчим. Тем более что с семьей Алчевских его семья была очень близка. Одну из дочерей Алексея Алчевского – Анну – Алексей Бекетов даже взял в жены. Анна Алексеевна имела с мужем общие интересы, она была художницей. Бекетов и сам был неплохим пейзажистом, регулярно участвовал в выставках.

Итак, Бекетову была поставлена задача построить новое здание Земельного банка. Знания о строительстве банков Бекетов решил получить за границей. Он побывал во Франции, Италии, Германии, там освоил специфику размещения операционных залов, рабочих помещений, сейфов и в результате разработал полностью оригинальный проект. Сейчас в здании

бывшего Харьковского земельного банка на площади Конституции (ранее Николаевская) находится автотранспортный техникум. В 1899 году на той же площади Бекетовым был возведен дом Торгового банка (сейчас Дом техники) и в 1907 году – здание Волжско-Камского коммерческого банка (ныне Театр кукол).

Много времени, сил и таланта Алексей Бекетов вложил в сооружение здания Харьковских судебных установлений на нынешней площади Руднева. Здание было спроектировано и построено при участии архитекторов Цауне и Хрусталева. Проект был составлен еще в 1898 году, но само здание было открыто для посетителей лишь через четыре года. Во время этой работы Бекетову пришлось в полной мере применить все свои разносторонние знания и умения, столь необходимые зодчему. Архитектор должен ведь не только «нарисовать» внешний вид дома, но и спроектировать внутренние помещения в зависимости от их функционального назначения, заняться интерьером и иногда, как в случае с данным домом, мебелью. Кроме того, архитектор обязан хорошо разбираться в материаловедении, геодезии, геологии, экологии. Так, на площади, предназначенной для воплощения проекта трех архитекторов, пришлось применить дренаж по всему периметру площади, поскольку в этом месте строение оказывалось на одном уровне с уровнем воды.

Здание судебных установлений было построено в классическом стиле. Русский классицизм – излюбленный стиль Алексей Бекетова, впрочем, в нем он не был догматиком и смело использовал элементы других архитектурных направлений – как новых, так и хорошо забытых старых; лично руководя строительством, он применял передовые достижения строительной техники. Здания Бекетова отличаются строгие композиционные замыслы, но и частое применение декоративных мотивов античности, Возрождения, барокко, классицизма, модерна и даже ориенталистических элементов. Специалисты отмечают у Алексея Николаевича прекрасное чувство ансамбля, масштабности и пропорций, отменный художественный вкус.

Еще одним знаковым для Бекетова творением стало здание Общественной библиотеки (ныне – им. Короленко), одними из инициаторов открытия которой были все те же Алчевские и ряд других прогрессивных деятелей Харькова (к коим, собственно, всегда принадлежали и Бекетовы). В 1901 году Алексей Николаевич возвел это полезное здание, не взяв за это плату. Вместо денег при начале проектирования он получил от общественности благодарственный адрес. Бескорыстно Бекетов выполнил и проект здания знаменитой Воскресной школы Христины Даниловны Алчевской на углу улиц Чернышевской и Совнаркомовской. Сейчас в этом помещении находится выставочный зал Харьковского художественного музея.

Одно из самых сложных заданий архитектора – проект комплекса Харьковского медицинского общества (сейчас – институт им. Мечникова). В рамках комплекса необходимо было собрать помещения совершенно разной функциональной направленности. Но и с этой работой талантливый домостроитель справился прекрасно. Как и с другими сооружениями в Харькове: образовательными – Высшие женские курсы, Коммерческий институт; частными домами – Соколова, Алчевских (ныне ДК милиции) и др. При постройке частных домов Бекетов чаще отходил от строгой ордерной системы. Тут появлялись и псевдомавританские формы, и неоклассические, и античные (как, например, в собственном особняке Бекетова, где сейчас расположен Дом ученых). Диапазон и мастерство владения разными формами необычайно широки – от монументальных колоннад и многоярусных пилястровых порталов до лирического образа балкона-лоджии с фигурами кариатид, которыми он украсил особняк для своей семьи.

Среди других харьковских работ Алексея Бекетова стоит также вспомнить постамент памятника В. Каразину, стоящего сейчас у входа в Харьковский национальный университет.

Первая мировая война не дала Бекетову осуществить ряд проектов, которые, по мнению архитекторов и искусствоведов, безусловно, могли бы стать украшением Харькова. Это проект

женского медицинского института и театра на 2200 человек (полагают, что это вообще, возможно, самый интересный проект Бекетова).

Алексея Николаевича вспоминают не только в Харькове, не только в этом городе находятся спроектированные им здания. Академик, профессор архитектуры (он получил это почетное звание в 1898 году) был известен широко на юге Российской империи, построил театры в Новочеркасске и Симферополе, банк в Ростове-на-Дону, Горный институт и дом железнодорожного управления в Екатеринославе (сейчас Днепропетровск). С особой теплотой вспоминают харьковского зодчего на Южном берегу Крыма. Здесь, в Алуште, Николай Николаевич Бекетов – отец архитектора – имел свою дачу, подолгу отдыхал вместе со всей семьей. В 1895 году ученый подарил соседний участок земли сыну. Здесь здание своей дачи спроектировал Алексей Николаевич, сам он перенял привычку проводить лето в Алуште у отца, сейчас здесь продолжают бывать представители нынешнего поколения Бекетова. Внук зодчего Ф. Рофе-Бекетов работает в Харькове, в Крыму же живет в оставшейся для частного пользования части дачи, остальные помещения стали Домом-музеем академика А. Н. Бекетова. В южном городе еще немало особняков и дач, созданных по проекту Алексея Николаевича.

Помимо непосредственной деятельности над проектами и строительством, Алексей Николаевич преподавал будущим градостроителям (и до и после Октября 1917 года) в институте коммунального строительства (до начала Великой Отечественной войны он заведовал здесь кафедрой архитектуры), технологическом и художественном институтах. Он издал учебник по архитектуре для студентов технологического института, опубликовал ряд статей в местных и столичных журналах, принимал участие во всех пяти съездах российских зодчих.

Революция не оборвала карьеру Бекетова. При новой власти он пользовался все тем же уважением, хотя и работать пришлось еще больше, еще энергичнее. Алексей Николаевич был среди учредителей Всесоюзного, республиканского и областного правлений Союза архитекторов СССР, стал действительным членом Академии архитектуры СССР. В 1939 году он без защиты диссертации получил степень доктора архитектуры, в 1941 году Бекетову было присвоено звание заслуженного деятеля искусств УССР. При советской власти Алексей Николаевич много работал на Донбассе, часто ездил в Горловку и Макеевку, проектировал дома для шахтеров. Он осуществил ряд проектов гражданского и жилищного назначения в Харькове, Киеве, Баку. В Донецке под его руководством был возведен корпус университета. В Харькове Бекетов построил электротехнический корпус ХТИ (ныне – политехнический университет), еще один банк, реконструировал Дворец культуры «Металлист». Он также получил право на сооружение нового университетского здания, но не смог осуществить задуманного из-за новой войны. Любопытно, что Бекетов участвовал и в конкурсе на сооружение знаменитого Госпрома, но он был так далек от модного тогда конструктивизма, что не смог конкурировать с молодыми коллегами. Всего за свою жизнь Алексей Бекетов возвел около ста зданий.

Алексей Николаевич умер 23 ноября 1941 года, похоронен на 13-м городском кладбище Харькова. Одна из улиц в районе Харьковского тракторного завода носит его имя. В 1995 году именем архитектора была названа и станция третьей линии Харьковского метрополитена. Станция «Архитектора Бекетова» находится как раз в районе пересечения улиц Совнаркомовской, Чернышевской, Пушкинской, Дарвина – там, где сразу несколько красивейших зданий города напоминают о человеке, который «нарисовал Харьков».

Бекетов Николай Николаевич

(род. в 1827 г. – ум. в 1911 г.)

Химик. Многими считается основоположником физической химии.

Русские и западные историки науки спорят не только о том, кто открыл Периодическую систему элементов, изобрел радио или первым достиг Антарктиды. При том уровне развития науки, которого Российская империя достигла в XIX веке, неизбежно должны были появляться все новые и новые независимые от Запада исследования, которые повторяли, слегка опережали аналогичные исследования зарубежных коллег или отставали от них. Так этот вечный спор коснулся и такой науки, как физикохимия. Немецкие ученые убеждены, что приоритет в этой области принадлежит их соотечественнику химику Оствальду. Их русские коллеги называют другую фамилию. Ведь курс физико-химии был прочитан в Харьковском университете химиком Николаем Николаевичем Бекетовым еще в 1865 году, когда Оствальду было лишь 12 лет!

На самом деле все началось еще раньше. Знаменитый ученый-энциклопедист Михаил Ломоносов читал студентам Императорской Санкт-Петербургской академии наук курс физической химии – «Введение в истинную физическую химию». Он разработал также «План к курсу физической химии» и программу экспериментальных работ («Опыт физической химии»), определяя эту науку как «объясняющую на основании положений и опытов физики то, что происходит в смешанных телах при химических операциях». Ничего необычного в столь раннем появлении такого названия нет. Ведь химия и физика – обе являлись естественными науками, изучавшими законы природы относительно неодушевленных объектов – будь то материалы, жидкости или твердые тела. Выделившись в отдельные науки, эти дисциплины регулярно пересекались, лучшие представители их стремились обобщить полученные результаты, синтезировать данные. Широкий взгляд на вещи вообще отличает крупных ученых. Такими взглядами отличался и Николай Николаевич Бекетов.

Он родился в дворянской семье Бекетовых, род которых был известен в России еще с XVI века. Произошло это знаменательное в истории русской химии событие в ночь с 31 декабря 1826 на 1 января 1827 года (с 12 на 13 января по новому стилю) в деревне Новая Бекетовка Пензенской губернии. Отец его был морским офицером. Брат Николая Николаевича Андрей впоследствии стал известным ботаником, ректором Петербургского университета, его внуком был поэт Александр Блок. (Николай Николаевич часто навещал племянницу и ее сына в Шахматово и, по словам Блока, навевал на него страшную скуку своими научными разговорами.)

Образование Николай Николаевич получил традиционное и, по тем временам, лучшее из возможных. Для начала было домашнее образование (стоит ли говорить, что в этой интеллигентной дворянской семье была отличная библиотека, способные дети имели все возможности для получения всех необходимых сведений, литературы и т. д.). Затем Николай поступил в 1-ю Санкт-Петербургскую гимназию, по окончании которой в 1844 году стал студентом отделения естественных наук философского факультета столичного университета. Братья Бекетовы учились вместе и входили в кружок талантливой столичной молодежи. С ними были знакомы Григорович и Плещеев, а с Федором Достоевским Андрей и Николай снимали одну квартиру.

Вскоре оказалось, что Санкт-Петербургский университет не может дать Николаю достаточной подготовки в той области знаний, которая его интересовала больше всего, – химии. В связи с этим он перевелся в Казанский университет. В то время там читал лекции корифей отечественной науки Николай Зинин. Сферой его интересов были органические соединения. К их исследованиям Зинин готовил и способного ученика. Бекетов защитил дипломную работу по теме «Рассуждение о действии возвышенной температуры на органические соединения». Но впоследствии Николай Николаевич выбрал в химию иную стезю, иную тематику. В 1849 году он окончил университет, вернулся в столицу, работал в Медико-хирургической академии, где еще продолжал работы по органической химии, в 1853 году защитил магистерскую диссертацию, где привел важные выводы, касающиеся образования новых соединений. Два года Николай Бекетов был ассистентом кафедры химии и технологии Санкт-Петербургского университета, а летом 1855 года он был назначен экстраординарным профессором Харьковского университета.

В то время обучение химии в университете находилось на довольно низком уровне. Так, например, не проводились практические занятия со студентами. (Все равно, что учить футбол лишь по учебникам и конспектам.) Создание лабораторной базы было одним из основных дел Николая Николаевича на новом месте работы. В новых лабораториях велись как практические занятия, так и научно-исследовательская работа самого Бекетова и его коллег. Все это совмещалось с довольно активной лекционной работой.

В 1858 году харьковский химик получил заграничную научную командировку на 15 месяцев. Он побывал в Великобритании, Франции, Германии, слушал лекции видных ученых, познакомился со многими из них – Митчерлихом, Дюма, Велером, Бунзеном и др. В Париже Бекетов приобрел на специально выделенные ему университетом деньги оборудование для университетской лаборатории.

А вскоре в Харькове как раз и был сделан тот самый шаг в сторону развития новой отрасли – физической химии, о котором мы говорили в начале статьи. В 1860-м Бекетов начал читать курс лекций по физической химии в Харьковском университете¹⁰, в 1864-м организовал отделение по подготовке физико-химиков. (Он добился того, что физико-математический факультет был разделен на три «разряда», одним из которых и был физико-химический.) В докладной записке, обосновывавшей создание новой специальности, Бекетов писал: *«Знать химию... невозможно без основательного знакомства с физикой, а потому также с математикой... Хотя мы и различаем химические и физические свойства тел, и те и другие суть*

¹⁰ Изначально название курса было несколько иным, само слово «физикохимия» в названии появилось в 1865 году.

выражение строения и свойств малейших частиц... Строение материи... находится в зависимости от физических условий и химических свойств»

В 1865 году Николай Николаевич защитил докторскую диссертацию «Исследования над явлениями вытеснения одних элементов другими». В этой работе ученый показал влияние начальных концентраций реагентов на направление реакций, зависимость его от давления, влияние которого он понимал как влияние концентрации газов. Таким образом, Бекетов, по сути, предвосхитил открытие закона действия масс. Тогда же Николай Николаевич составил ряд металлов по способности вытеснять друг друга, который впоследствии в точности совпал с рядом напряжений.

Научные работы Николая Бекетова посвящены изучению зависимости направления химических реакций от состояния реагентов и внешних условий, исследованию химического сродства и того, какими свойствами это сродство определяется. Бекетов открыл вытеснение металлов из растворов их солей водородом под давлением; установил возможность протекания реакции в двух направлениях и дал точное определение состояния равновесия; исследовал вытеснение одних элементов другими из их соединений и связал эти процессы с «первоначальными химическими свойствами элементов – тем, что называется химическим сродством». Стремясь связать химические явления с «относительными массами и расстояниями между действующими частицами», Бекетов вплотную подошел к идее, что химические свойства веществ определяются свойствами их атомов – атомной массой и радиусом. (А между тем, сделан этот вывод был еще до опубликования Периодического закона, немудрено, что Николай Николаевич с таким восторгом воспринял теорию Менделеева.) Исходя из своих представлений о «прочности» (в современной терминологии – стабильности) соединения элементов с близкими атомными массами, Бекетов предложил в качестве наиболее сильного восстанавливающего агента алюминий. С его помощью химик осуществил восстановление некоторых металлов из их оксидов при высоких температурах, создав основы метода, позже вошедшего в практику под названием алюминотермии. Этот метод теперь широко используется в металлургии.

Студенты запомнили Бекетова как прекрасного лектора, умеющего увлекать слушателей. Часто по ходу лекции Николай Николаевич отвлекался от основной линии изложения на предметы, казалось бы, второстепенные. Но именно они неожиданно захватывали профессора. Он прямо при студентах и как бы вместе с ними начинал работать над решением проблемы, над которой до того не задумывался, рисовал перспективы, находил связи с другими важными вопросами химической и физической науки. То же происходило и на практике. Многие свои открытия Николай Бекетов сделал совместно со своими студентами и лаборантами. На экзаменах профессор был мягок и снисходителен (его и студенты, и петербургские академики называли «добрейшим Николаем Николаевичем»), но, несмотря на это, уважение к нему было столь велико, что студенты приходили, хорошо подготовившись. Тому причиной, вероятно, и хорошая посещаемость интересных лекций Бекетова в течение учебного года. Среди учеников одного из отцов физико-химии знаменитые ученые Флавицкий, Эльтеков, Хрущев.

«Удивительная простота в обращении, бесконечная доброта и сердечность, прямота и безыскусственность пленяли всякого, кто знал Н. Н. Бекетова», – вспоминал еще один из его воспитанников профессор Танатар в 1912 году.

В 1868 году Бекетов был избран ординарным профессором по кафедре химии Новороссийского университета, но по просьбе коллектива университета Харьковского остался в городе. С 1872 года при университете работало Харьковское физико-химическое общество под руководством Николая Бекетова. Деятельность его на ниве химических исследований была исключительно активна. Вместе с учениками он в организованных им же термохимических лабораториях определил теплоту образования оксидов и хлоридов щелочных металлов, в 1870 году впервые получил безводные оксиды щелочных металлов. (Через девять лет за это он получил

Ломоносовскую премию Санкт-Петербургской академии наук.) В 1886 году Бекетовым была фактически высказана идея цепного механизма горения и взрыва. В том же году увидел свет его учебник «Физико-химия».

Николая Николаевича называли «химиком-философом» за любовь к общим рассуждениям на химические темы. Если одни исследователи считают, что это свидетельствует о широком кругозоре ученого, то другие называют отношение Бекетова к химии наивно-патриархальным. Были ученые, которые считали, что Бекетов не более чем «серый термохимик», который обладал явно недостаточными знаниями по физике и математике, чтобы можно было всерьез говорить о нем как об основоположнике физико-химии. Так, автор журнала «Вопросы естествознания и техники» Дмитриев пишет, что Николая Бекетова можно было в некотором смысле считать третьим в России химиком после Бутлерова и Менделеева, но только помня о величине дистанции и если не учитывать достижения западной науки в области физико-химии.

Зато несомненным является положительная роль, которую сыграл Николай Николаевич Бекетов в жизни Харькова. Он был одним из инициаторов и организаторов создания Публичной библиотеки, Общества по распространению в народе грамотности, Общества помощи нуждающимся студентам. Кстати, именно Бекетов первым исследовал свойства минеральных вод в районе хутора Березовки. Сейчас об этом напоминает надпись на этикетке воды.

В 70-е годы здоровье профессора несколько пошатнулось. В Алуште он купил себе дачу, на которой и жил с семьей каждое лето, любил делать зарисовки крымской природы и моря. Способности к рисованию он передал своему сыну – известному архитектору Алексею Бекетову.

В 1884 году была ликвидирована университетская автономия, а вскоре физико-химический разряд был упразднен (развитие естественных наук не входило в программу пришедших к власти реакционеров). Николай Николаевич в это время (впрочем, как и раньше) жаловался на нехватку средств. Для своих опытов он, как и когда-то у Зинина, пользовался самым простым оборудованием, не хватало денег на реактивы. Не устраивала его и квартира, и зарплата. В 1886 году он был избран академиком Санкт-Петербургской академии наук, переехал в столицу и начал работу в Химической лаборатории Академии¹¹. До 1901 года он преподавал на Высших женских курсах, три года учил химии наследника престола, много раз избирался президентом Русского физико-химического общества.

Николай Николаевич Бекетов умер 30 ноября (13 декабря) 1911 года в Санкт-Петербурге.

¹¹ Впервые приглашение в Академию наук пришло Бекетову за несколько лет до этого, он, казалось бы, ухватился за такую возможность. Говорил, что это дело для него материальное, а не касающееся самолюбия, но в конце концов отказался, зная, что другой кандидат – Менделеев. Кстати, Дмитрия Ивановича тогда (и вообще никогда) не избрали членом Академии.

Бернес Марк Наумович

(род. в 1911 г. – ум. в 1969 г.)

Киноартист, эстрадный певец

«Шансонье божьей милостью», – так говорили о всенародном любимце Марке Наумовиче Бернесе. И о нем же – «единственный, кто может состязаться с Утесовым в безголосости». И об этом же фраза Утесова, которую вспоминал Андрей Миронов: «Петь надо душой». Бернес был, несомненно, душевным человеком, ведь до сих пор, по мнению многих специалистов, никто не может исполнить его песни так, как пел их он сам.

Марк родился в очень бедной семье в Нежине 8 октября 1911 года. (Потом почему-то называли другую дату – 21 сентября.) Отец его – Наум Нейман был старьевщиком. В 1916 году семья Нейман переехала в Харьков. Здесь Марка определили в школу. Наум мечтал, чтобы сын вышел в люди – стал счетоводом, поэтому по окончании школы отдал Марка в торгово-промышленную школу. Но не такая судьба ждала будущего заслуженного артиста. Его увлекал театр. В Харькове в театральных впечатлениях не было недостатка. Познакомившись с расклейщиком афиш, Марк Нейман стал помогать ему, работал человеком-афишей,нося на себе все объявления. За это с помощью расклейщика юный помощник бесплатно попадал на спектакли. В 15 лет Марка взяли в статисты в театр музыкальной комедии Синельникова (там же, где начинали Дунаевский и Шульженко). Нейман стал посещать театральные курсы, которые закончил в 1929 году. К этому времени его уже пару раз подпускали к эпизодическим ролям. Сам Синельников заметил, что из парнишки может выйти толк. Это окончательно убедило Марка в том, что его жизнь должна быть связана с театром. Он сбегает от родителей, едет в Москву.

Там Нейман записывается в массовку сразу нескольких театров. Работает в бывшем «Театре Корша» (ныне филиал МХАТа), Театре революции (ныне Театр им. Маяковского). Он берет себе творческий псевдоним, под которым вскоре станет известен всей стране, – Бернес. Значение этой фамилии он так и не смог раскрыть (вероятно, никакого особого смысла в ней

и не было). В 30-е годы Марк Наумович приходит в кино, и поэтому уже в театре не играет. Его стихия – съемочная площадка и эстрада.

Впервые Марк Бернес появился на экране в небольшой роли в фильме «Заключенные» (1936). Затем режиссер Юткевич снимает его в роли вредителя инженера Красовского в картине «Шахтеры» (1937). Но настоящее признание к Бернесу пришло после выхода фильма «Человек с ружьем». Бернес убедил режиссера, что в картине не хватает песни, достал где-то старую гармонь и исполнил «Тучи над городом стали». Красноармеец Костя Жигулев в исполнении Бернеса покориł советского зрителя. Фильм посмотрел и Сталин. За роль в фильме «Человек с ружьем» Бернес был награжден орденом «Знак Почета». Затем последовал популярнейший фильм «Истребители» с песней «Любимый город может спать спокойно»...

Бернес снялся в нескольких десятках кинофильмов. И во многих он пел песни – они-то и сделали его любимцем публики. При этом Марк Наумович «делал себя сам». Он лично заказывал тему для песни талантливым композиторам и поэтам и прекрасно их исполнял. Слушатели и режиссеры не могли не чувствовать глубины чувств, с которыми Бернес исполнял свои знаменитые песни, и прощали ему безголосие, незнание нотной грамоты. Вот небольшой перечень спетых Бернесом песен: «Три года ты мне снилась», «Прощай, любимый город», «В далекий край товарищ улетает», «Враги сожгли родную хату», «Темная ночь», «Шаланды полные кефали», «Хотят ли русские войны», «Журавли», «Я люблю тебя жизнь», «Если бы парни всей земли»... Бернес сотрудничал с композиторами Никитой Богословским, Матвеем Блантером, Яковом Френкелем, Эдуардом Колмановским, поэтами Константином Ваншенкиным, Евгением Евтушенко, Михаилом Исаковским, Расулом Гамзатовым, Евгением Долматовским.

Судьба песен не всегда складывалась гладко. Так, песню «Враги сожгли родную хату» обвиняли в пессимизме, «Три года ты мне снилась» из кинофильма «Большая жизнь» была признана специальным постановлением «образцом пошлости и кабацкой лирики» и «вышла в свет» лишь через десять лет после появления. Однако любая песня, которая доходила до слушателя, имела неизменный и грандиозный успех, как и любой фильм, где Бернес пел. Пластинки Бернеса расходились миллионными тиражами. Сохранилась любопытная история о том, как первый тираж одной из пластинок был забракован ОТК – прослушивался незапланированный шорох. Оказалось, что во время записи работница заплакала и уронила слезу на восковую матрицу...

Вершиной творческой кинокарьеры Бернеса стал фильм «Два бойца» Лукова, в котором Бернес исполнил роль одессита, бойца Аркадия Дзюбина. Интересно, что изначально Луков и представить себе не мог в этой роли Марка Наумовича. Но тот настоял, упрямил... и долго не мог найти нужный образ. «Помогла» неумелая парикмахерша, которая так постригла артиста, что он сразу узнал в себе Аркадия Дзюбина. Гениальные «Темная ночь» и «Шаланды» стали шлягерами на все времена. Актеры Борис Андреев и Марк Бернес получили ордена Красной Звезды (орден, кстати, боевой). Одесситы же были свято уверены, что Бернес их земляк, и он стал здесь почетным гражданином. Говорят, на одном из концертов, где Марк Наумович сказал, что родился в Нежине, а рос в Харькове, жители Одессы, обиженные, говорили: «Вот как человек может забыть и стесняться своих корней, сделавшись знаменитым».

Женой Бернеса стала еще до войны одна из первых московских красавиц – Полина Сергеевна Липецкая. Для друзей – просто Паола. Она родила Бернесу дочь – Наташу. Рассказывают, что Марк Наумович очень любил Паолу, однако позволял себе довольно вольное поведение, имел множество романов, скандалил из-за этого с женой. Говорят, что однажды он не поделил женщину с самим зятем Хрущева Аджубеем, после чего в «Правде» появилась уничижающая статья композитора Свиридова, в которой он, в частности, писал: «Этому артисту мы во многом обязаны воскрешением отвратительных традиций «воровской романтики» – от куплетов «Шаланды, полные кефали» до слезливой песенки рецидивиста Огонька из кинофильма «Ночной патруль».

Но народу на это было наплевать, и популярности у Бернеса не убывало. Восторженные почитательницы создали клуб «Ура Бернесу», была масса личных знакомых, работавших в разных местах – от продуктовых магазинов до милиции. А вот другая сторона популярности. Как уже было сказано, в 1958 году Бернес исполнил роль старого вора Огонька. По сюжету картины его герой «завязывал» с преступным миром и призывал к этому зрителей. Настоящие воры решили разобраться с артистом «по понятиям». А по всем понятиям он выходил «сухой», и ему был вынесен смертный приговор. Спас Бернеса один из участников сходки, предупредивший по телефону любимого актера и певца и его семью.

Полина Сергеевна умерла от рака. Марк Бернес не посещал жену в больнице, боялся заразиться. После ее смерти он даже попросил домработницу тщательно убрать в квартире. Вообще, артист был человеком довольно мнительным, подозрительным. Он сильно переживал из-за успехов своих коллег – Алейникова, Андреева, хотя был не менее популярен. Вот слова Зиновия Гердта об этом человеке: «Добрый – злой, умный – темный, честный – несправедливый, смелый – нерешительный, простодушный – хитрый, доверчивый – подозрительный, жесткий – сентиментальный, веселый – мрачный... Эти исключаящие друг друга эпитеты можно длить и длить, и все это будет верно». Но всего этого не знали его почитатели. Для них было важнее его творчество, а наслаждаться им позволяли и новые фильмы: «Тарас Шевченко», «Запасной игрок», «Цель его жизни», «Школа мужества» и другие, песни, звучавшие по телевидению, радио, с эстрады и дома – с пластинок. Что бы ни говорили о его отношениях с властями, нельзя сказать, что он находился в какой-то опале. В 1951 году он стал лауреатом Сталинской премии (за участие в фильме «Далеко от Москвы»), в 1965 – получил звание народного артиста РСФСР, регулярно принимал участие в «правительственных концертах», хорошо зарабатывал, имел машину и большую квартиру.

В 1960 году Бернес повел дочь в первый класс и вскоре на родительском собрании оказался рядом с Лилией Бодровой – женой корреспондента «Пари-матч» Люсьена Но. А через три месяца Лилия ушла к нему вместе с сыном Жаном. Новую молодую жену (она была моложе Бернеса на 18 лет) Марк Наумович называл своей «лебединой песней», старался все время быть с ней рядом, а она, в свою очередь, ездила с ним почти на все концерты, некоторые из них вела. Лилия Михайловна до сих пор вспоминает о покойном муже с нежностью. Рассказывает, как он хорошо относился к обоим детям (хотя и полагал, что ими надо заниматься меньше, чем этого хотела Лилия), как заботился о ней, до сих пор называет себя не вдовой, а именно женой артиста.

Бодрова взвалила на себя все основные хлопоты по дому, Бернес был совершенно нехозяйственным человеком. Ему нравилось, чтобы все вокруг было чисто и красиво, но в доме он не забил и гвоздя, все просил подправить жену. И в то же время баловал ее деликатесами, постоянно обновлял в доме букеты. Больше всего его, конечно, занимала работа. Даже на отдыхе он любил обсуждать свои творческие планы, не мыслил себя без съемок, сцены, студии звукозаписи.

Бернес умер от рака корней легких, 50 дней провел в больнице, зная, что умирает. Врачи разводили руками. Незадолго до смерти он попросил Жана записать на студии четыре песни из своего репертуара: «Я люблю тебя, жизнь», «Журавли», «Романс Рощина» («Почему ты мне не встретишься...») и «Три года ты мне снилась». Он хотел, чтобы именно они звучали на его похоронах. Последние слова умирающего Бернеса были обращены к любимой жене: «Уйди, тебе же тяжело. – И тут же добавил: – Куда ты?»

Марк Наумович скончался 17 августа 1969 года. Завещание певца и артиста было исполнено, во время прощания с ним из динамиков звучали его хорошо знакомые песни. Бернеса похоронили на Новодевичьем кладбище, хотя там хоронили лишь народных артистов СССР, да и то не всех. Но, во-первых, слишком велика была народная любовь к Бернесу, а во-вторых,

указ о присвоении артисту почетного звания был уже практически готов, Марк Наумович не дожид до этого события лишь несколько дней.

Бессонов Владимир Васильевич

(род. в 1958 г.)

*Футболист. Член легендарной команды «Динамо» (Киев) 70—80-х годов.
Один из питомцев Лобановского.*

Памятник футбольному мячу в Харькове вызывает противоречивые чувства. Слишком невелики, казалось бы, достижения Первой столицы на футбольном поприще. Многие помнят лишь Кубок СССР 1988 года. Правда, именно сборная Харькова выиграла и первый чемпионат СССР по футболу в 1924 году (но многие ли знают фамилию лидера той команды – Кротова?) Но футбол в городе любят не меньше, чем в Донецке, Одессе или Киеве. И ждут, когда же «Металлист» поднимется на уровень, достойный полуторамиллионного города с хорошими спортивными традициями. Ведь были люди, были чемпионы, настоящие звезды. Тот же Бессонов, к примеру?

Владимир Васильевич Бессонов родился в Харькове 5 марта 1958 года. Жил он неподалеку от Харьковского тракторного завода. Футбол любил с детства, как и все его друзья-ровесники, гонял мяч во дворе. Затем поступил в Харьковский спортинтернат № 7. Первым тренером Бессонова был Михаил Наседкин. Владимир Васильевич вспоминает, что в его время не только футбол увлекал мальчишек. В зимнее время играли в хоккей. Более того, Бессонов утверждает, что если бы поблизости от места жительства была хорошая хоккейная школа, то он бы серьезно занялся именно этим видом спорта. Но поблизости была школа футбольная.

Как и положено было в СССР, Бессонов прошел все стадии становления спортсмена – от улицы и спортинтерната, через дубль местной команды в сильный клуб, его основу, а затем уже и сборную страны. В харьковском «Металлисте» Бессонов выступал за дубль в течение буквально одного сезона – 1975 года. Его быстро заметили. Тогда практически все лучшие украинские игроки проходили «смотрины» в главной команде республики (и одной из сильнейших

– если не самой сильной – команде страны) киевском «Динамо». В том же 1975 году Владимир уже бегал за дубль киевского клуба. А в 1976 году Бессонов отыграл девять матчей в весеннем и два матча в осеннем чемпионате страны в основном составе «Динамо». Надо сказать, что для 18?19-летнего парня закрепиться тогда в «Динамо» было делом очень непростым – и в первую очередь, в психологическом плане. Ведь только что, в 1975 году, прославленная команда завоевала Кубок обладателей Кубков. Гремели имена Блохина, Фоменко, Решко, Мунтяна – да, собственно, всех игроков киевской команды. Однако Владимиру Бессонову все же удалось отстоять свое право на регулярный выход в основном составе. Этому немало способствовали и успехи международные. Бессонов стал ведущим игроком советской «молодежки». В 1976 году Бессонов – среди чемпионов Европы среди юношей, а в следующем году был чемпионат мира среди юниоров в Тунисе.

Этот чемпионат стал не менее славной страницей в истории советского футбола, чем чемпионат Европы 60-го или две Олимпиады – 56-го и 88-го годов. Ведь здесь советская сборная впервые стала чемпионом мира. В составе команды, кстати, играло сразу пятеро харьковчан – Бессонов, Балтача, Каплун, Сивуха, Крячко. Владимир Бессонов поразил болельщиков зрелой, техничной, эффективной игрой. Именно он получил приз как лучший игрок чемпионата. Сам президент ФИФА Жоао Авеланж сказал, что Владимира ждет слава Пеле. Играл Бессонов тогда в качестве сориентированного на атаку полузащитника, или форварда.

В киевском «Динамо» Балтача и Бессонов не затерялись, стали постоянно появляться на поле. При этом в футбольной биографии Бессонова произошло довольно важное событие. Валерий Васильевич Лобановский очень ценил в игроках универсализм – умение сыграть на любой позиции. Владимира Лобановский решил использовать так, как никому, пожалуй, из тренеров и прийти в голову не могло – на месте опорного полузащитника, затем просто защитника, наконец – либеро! Решение о переводе Бессонова из атаки в оборону было встречено общественностью недоброжелательно. Говорили, что использовать Владимира в качестве защитника – это все равно, что возить воду на арабском скакуне. Со знаменитым немецким журналистом Карлом Хайнцем Хаманном Лобановский по этому поводу сильно разругался. Немец дал интервью «Советскому спорту», в котором выразил недоумение по поводу нового амплуа талантливого советского футболиста. Валерий Васильевич лично позвонил журналисту и в крепких выражениях объяснил ему, кто и что понимает в современном футболе?

А Бессонов тем временем без разговоров принялся выполнять новые обязанности. Он вообще не считал возможным спорить с тренером. Дали комнату в трехкомнатной квартире в Киеве – спасибо и на том, объявили, что будем играть сезон на усталости – хорошо; перевели в оборону – значит, так надо. Тем более, что пока что действия Лобановского оправдывались результатом. В 1977 году «Динамо» (Киев) стало в очередной раз чемпионом СССР. Бессонов же оказался очень неплохим защитником. Правда, любил, конечно, и вперед сходить – забивал. (Вот он – тот самый универсализм. Соперник-то следит больше за форвардами.) А мог и затеять неоправданную обводку в своей штрафной, небрежно откинуть мяч вратарю, будто забыв, что играет последнего защитника. Впрочем, Валерий Васильевич справедливо отмечал, что Бессонов играет тем собраннее, чем более ответственный матч предстоит. Мэтр говорил: *«Владимир Бессонов один из немногих футболистов в стране, амплуа которого никто не знает. Ничуть не преувеличиваю: он способен сыграть на любом месте с одинаковой отдачей, с одинаковой надежностью, при одинаковом коэффициенте полезного действия. Для него не составляет труда менять позиции по ходу игры, не требуется времени для «притирки» на новом месте и налаживания новых связей с партнерами».*

Молодой игрок уже регулярно приглашался в сборную Советского Союза. В первый раз он был вызван в 77-м Никитой Симоняном, затем, естественно, приглашался Лобановским (когда сборная, собственно, мало отличалась от киевского «Динамо»), а всего отыграл за сборную 79 матчей, забил четыре гола.

В 1982 году Бессонов женился. Как и многие его коллеги, он связал свою жизнь с представительницей художественной гимнастики. Рассказывают, что особое внимание, которое футболисты уделяли гимнасткам, происходило оттого, что традиционные сборы в Новогорске у футболистов сборной СССР и «художниц» происходили одновременно, а с другими девушками у питомцев сторонника более чем сурового режима Лобановского времени знакомиться не было. Так и образовались пары Блохин – Дерюгина, Хлус – Захарова, Буряк – Васюра, Бережной – Евтушенко. Свою будущую жену Владимир Бессонов увидел, когда ей было еще 12 лет. Футболисты, оказывается, любили подглядывать за тренировками «художниц», и однажды товарищ обратил внимание Бессонова на хрупкую симпатичную девочку. Это была Виктория Серых – будущая чемпионка мира. Но понастоящему спортсмен и спортсменка познакомились на свадьбе Блохина и Дерюгиной в декабре 1980 года. Поговорили, потанцевали, вскоре Бессонов оказался в больнице – вырезали железы. Вика с подружкой пришли его проведать, завязались более близкие отношения. В апреле 1982 года Бессонов и Серых оформили свои отношения. Бессоновы вырастили двух детей – Александра и Анну. Александр довольно долго занимался футболом, но после тяжелой травмы головы выбрал менее травмоопасный большой теннис. Занимался в академии Бругейры (отца знаменитого испанского теннисиста). Аню мать видела на балетной сцене, до семи лет водила ее в хореографическую студию, но Анна все-таки решила пойти по стопам матери, захотела заниматься художественной гимнастикой. Пришлось вести к Дерюгиной. У той не было группы нужного возраста. «Набирай девочек и тренируй их сама, зал будет», – сказала она Виктории Бессоновой. Так жена Владимира Васильевича вернулась на тренерскую стезю ради дочери. И не зря! Сейчас Анна Бессонова – ведущая «художница» Украины, обладательница достаточно большой коллекции титулов и медалей, бронзовый призер последних Олимпийских игр в Афинах, любимица украинских болельщиков.

Владимир Васильевич сетует на то, что детей и жену он видел довольно редко. Футболистов закрывали на их базах, график работы был очень напряженным. Сборы, тренировки, игры. Да и сейчас чей-нибудь спортивный баул обязательно стоит в коридоре – родителей или детей. Больше всего Викторию раздражает молчание мужа – приходит вечером и утыкается в свои газеты. Бессонов оправдывается – за день на двух тренировках так наорусь, что уже и говорить не могу.

Впрочем, случалось Бессонову бывать дома чаще, чем его партнерам по команде. Жена тихо и эгоистично даже радовалась этому, а вот самому футболисту позавидовать нельзя. Дело в том, что «временное освобождение от футбола» было вынужденным. Бессонов известен советским болельщикам не только как прекрасный, самоотверженный, работающий футболист, но и как «человек-травма». Владимир шел на контакт, не убирал ногу, бросался в самую гущу событий чаще, чем кто-либо другой, а похвастаться невосприимчивостью к травмам никак не мог. Вот и получалось, что выходил на поле лишь в половине матчей чемпионата СССР. Легкое повреждение он просто не замечал – просил наложить тугую повязку и выходил на поле, но и тяжелых хватало. Виктория Бессонова вспоминает, что их сын Саша учился ходить вместе с отцом, который в очередной раз ковылял на комнате на костылях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.